

На правах рукописи

Тубалова Инна Витальевна

**ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В УСТНЫХ
ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДИСКУРСАХ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты:

Трипольская Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра современного русского языка и методики его преподавания, профессор

Орлова Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», кафедра русского языка, славянского и классического языкознания, профессор

Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет», кафедра теории языка и методики обучения русскому языку и литературе, заведующий кафедрой

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 16 марта 2016 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан «___» января 2016 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/TubalovaIV16032016.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное сочинение представляет теорию полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов, факторы и механизмы формирования полифонического текста.

Актуальность исследования определяется его отнесенностью к функциональной парадигме современной лингвистики.

Одно из значимых направлений ее развития проявилось в рамках французской школы дискурс-анализа (П. Анри, Ж. Лакан, М. Пешё, П. Серио, М. Фуко и др.) и воплотилось в целом ряде научных направлений: в постструктуралистских исследованиях (Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.), в критическом дискурс-анализе (Р. Водак, Т. ван Дейк, Р. Фэрклоу и др.) и др.

Говорящий человек предстал во власти не только лингвистических, но и социально-идеологических систем. Процесс порождения речи стал рассматриваться как результат воплощения (1) индивидуального речевого опыта субъекта и (2) его знания о типах функционирующих в данном социуме в данный конкретно-исторический период дискурсов (Т. ван Дейк). Индивидуальный речевой опыт субъекта при таком подходе рассматривается как полидискурсивный.

Один из аспектов такого подхода связан с осознанием **многообразия социальных практик** и признанием **самостоятельной ценности** каждой из них. Данный аспект играет ведущую роль в гуманитарной исследовательской парадигме XX–XXI вв. (П.-Л. Бергер, Р.-К. Мертон, М. Хайдеггер, А. Щюц и др.). Отдельное внимание уделяется внеинституциональным практикам, а в концепции социальной детерминации человека особое место отводится **человеку обыденному** – как **функциональной социально-ролевой позиции**, которая с учетом вариативных внешних условий его бытия противопоставляется позиции институционально заданной. В результате вся деятельность человека (в том числе и речевая) предстает как результат реализации социальных ролей, задающих определенные модели поведения.

Современная лингвистика активно обращается к исследованию институциональных дискурсивных практик. **Личностно-ориентированные дискурсивные практики** описаны значительно менее подробно, но обращение к специфике восприятия и воплощения языка обыденным человеком уже на протяжении более полувека сохраняет актуальность (конверсационный анализ, исследования устной разговорной речи, диалектологические исследования, социолингвистика и психолингвистика, теория речевых жанров, теории обыденного сознания и др.). Обращенность к специфике личностно-ориентированного общения – еще один аспект **актуальности** данной работы.

С точки зрения теории дискурса личностно-ориентированная речевая деятельность предстает как результат действия множества локальных институционально не регулируемых дискурсивных целей. Интенциональная специфика определяет ее информационную открытость, социальное уравнивание говорящих субъектов и детерминированность особыми правилами, выработанными в процессах повседневного общения. Эти правила допускают проникновение в текст личностно-ориентированного дискурса иноречевых форм, в том числе –

усвоенных обыденным человеком в процессе его участия в институциональных практиках. Их включение в текст личностно-ориентированного дискурса осуществляется на основании локальных дискурсивных целей – с учетом условий коммуникации и смыслов, которые говорящий стремится выразить. Текст личностно-ориентированного дискурса, образованный при участии иноречевых форм, является **полифоническим**.

Идея полифоничности текста основана на его понимании как *вербальной последовательности, обладающей цельностью и связностью не только за счет внутренней организации его элементов, но и за счет его включенности во внешний вербальный контекст, в результате чего как его отдельные элементы, так и текст в целом получают динамический потенциал множественной интерпретации, обеспечивающий генерацию нового смысла*.

Таким образом, еще один аспект **актуальности** представляемого исследования связан с проблематикой формирования полифонического текста.

Данная проблематика обсуждается в рамках подхода, восходящего к идеям М. Бахтина и занявшего устойчивые позиции в филологии XX в. начиная с 60-х гг. (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.). Импульс активного развития получают концепции интертекстуальности и полидискурсивности, играющие магистральную роль при обосновании процессов порождения и восприятия текста в филологии конца XX – начала XXI в.

Проблематика реферируемого исследования формируется на пересечении названных проблем.

Объект исследования – тексты русских устных личностно-ориентированных дискурсов. Они рассматриваются в их социальной обусловленности и противопоставляются текстам дискурсов институциональных.

Предмет – полифоническая организация текста как результат реализации свойственных личностно-ориентированному общению дискурсивных интенций.

Обращение к тексту личностно-ориентированных дискурсов в заявленном аспекте предполагает необходимость учета (1) специфики дискурсивной области его реализации; (2) специфики дискурса-источника иноречевой формы.

Для анализа выбраны тексты русских личностно-ориентированных дискурсов, полифоническая организация которых включает речевые формы **дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов**, обладающих общими яркими признаками институциональности, социальным авторитетом, но кардинально различающихся характером институциональности и спецификой дискурсивной интенции.

С учетом взаимодействия с источником текст, рассмотренный в аспекте его полифонической организации, определяется как *результатирующий* текст.

Цель работы – выявить **факторы и механизмы** формирования полифонического текста русских устных личностно-ориентированных дискурсов.

Обозначенная цель определяет следующие **задачи**.

1. В рамках общей теории интертекстуальности и полидискурсивности разработать лингвистическую теорию полифонической организации текста, сформировать понятия полифонического текста, полифонической организации текста, полифонического включения.

2. Выявить факторы, влияющие на формирование полифонического текста.
3. Определить типы полифонических включений в структуре полифонического текста.
4. Охарактеризовать специфику полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов.
5. Проанализировать личностно-ориентированную речевую деятельность в социодискурсивном аспекте, выявить типы личностно-ориентированных дискурсов, обладающих спецификой полифонической организации текста.
6. Обнаружить общие и специфические свойства дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов, определяющие потенциал междискурсивного распространения их речевых форм, и типы этих речевых форм, составляющие указанный потенциал.
7. Выявить факторы формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах.
8. С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработать модель анализа его полифонической организации.
9. Применяя данную модель анализа, выявить механизмы формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов и результаты междискурсивных трансформаций инодискурсивных речевых форм различного типа.

Методологические основы работы формируются в области функционального направления современной лингвистики и опираются на следующие его положения.

1. Значимые свойства объекта исследования – **текстов устных личностно-ориентированных дискурсов** – выявляются на основании следующих положений.

1.1. **Текст** определяется как динамическая, интенционально обусловленная речевая последовательность, целостный смысл которой задан социальными условиями ее реализации, деятельностным авторским началом и особенностями адресата (М.М. Бахтин, К.-А. Богранд, Т.А. ван Дейк, В. Дресслер, М.Я. Дымарский, Е.С. Кубрякова, Т.М. Николаева и др.).

1.2. Текст рассматривается как коммуникативно обусловленная речевая форма, как результативная сторона **дискурса**. Под дискурсом понимается, во-первых, отдельное «коммуникативное событие» – «ситуационный дискурс» (Т.А. ван Дейк), участники которого порождают текст в соответствии с реализуемой интенцией и условиями коммуникации, во-вторых – совокупность «коммуникативных событий» определенного типа, объединенных на основании единства социально заданной интенциональности и формирующих общие правила текстопорождения. Порождая текст в отдельном ситуационном дискурсе, его автор опирается не только на конкретные условия коммуникации, но и на свой дискурсивный опыт – знание обо всех существующих в данном социуме типах дискурса (Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, М.В. Йоргенсен, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, М. Пешё, О.Г. Ревзина, П. Серио, И.В. Силантьев, Л. Филипс, М. Фуко, Н. Фэрклоу и др.).

1.3. Характеристика **типа дискурса** основывается на социолингвистическом положении о зависимости языка от социальных условий его существования, т.е.

комплекса внешних обстоятельств, в которых он функционирует: социальная структура общества, социальные различия между участниками дискурса, а также различия в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения (W. Labov, В.Е. Гольдин, Л.К. Граудина, Т.В. Кочеткова, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская, О.Б. Сиротинина, А.Д. Швейцер, Е.Н. Ширяев, Д.Н. Шмелев и др.).

1.4. Каждый тип дискурса обладает особым **содержанием**. Специфика содержания дискурса отражается в специфике дискурсивного стиля (G. Leech, Н.С. Болотнова, Т. ван Дейк, Е.А. Любаева, Н.В. Орлова, З.И. Резанова, А.Н. Приходько и др.). Стиль дискурса, рассмотренный как когнитивный процесс выбора его участником средств и способов организации речи, формируется (1) на основании дискурсивной интенции, условий и ролевой структуры общения – как результат конкретно-деятельностной обусловленности – и (2) на основании опыта участия субъекта в практиках других дискурсов – как результат его реализации (Т.А. ван Дейк). Социальная и коммуникативная обусловленность стиля как характера речи рассматривается с учетом достижений отечественной функциональной стилистики (Н.С. Болотнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Т.Г. Винокур, Н.В. Данилевская, К.А. Долинин, Л.Р. Дускаева, А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Т.В. Матвеева, В.В. Одинцов, А.К. Панфилов, В.А. Салимовский, Г.Я. Солганик и др.), риторической стилистики (Ю.В. Рождественский, А.П. Романенко, Г.Г. Хазагерев и др.), коммуникативной стилистики (Н.С. Болотнова и др.).

1.5. Обращение к **сфере внеинституционального существования человека** опирается на заданную в исторических, философских, культурологических, психологических исследованиях идею особой значимости внеинституциональных социальных практик в парадигме человеческого существования – как универсальной предпосылки всех форм человеческой активности, имеющей особую структуру. Истоки такого подхода – в феноменологии Э. Гуссерля, учении о бытии М. Хайдеггера, его развитие – в исторических, философских, культурологических, психологических методологических исследованиях конца XX – начала XXI в. (Ф. Бродель, П. Бергер, С.В. Журавлев, Е.В. Золотухина-Аболина, И.Т. Касавин, В.Д. Лелеко, Ю.М. Лотман, Т. Лукман, О.В. Сергеева, В.Н. Сыров, А. Шюц и др.).

1.6. Исследование специфики внеинституциональных практик **в социальном аспекте** предполагает учет социально-ролевой позиции обыденного человека, обращение к которой реализовано на основании социологической статусно-ролевой концепции личности (Дж. Мид, Р. Минтон, Т. Парсонс и др.), а также лингвистических концепций обыденного человека и обыденного сознания (Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.Н. Ростова, Г.Р. Хазиева, П.В. Чельшев, А.Д. Шмелев и др.).

1.7. **Дискурсивный подход** к исследованию личностно-ориентированного общения основывается на противопоставлении рассматриваемого типа дискурса дискурсам институциональным (В.И. Карасик и др.) и определяет его специфику как институционально не регулируемого, полиинтенционального, «наименее структурированного из всех типов дискурсов» (М.Л. Макаров), информационно открытого (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина,

И.В. Силантьев и др.). Специфика внеинституциональных форм речевого общения рассмотрена с опорой на достижения теории разговорной речи (Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородская, Е.В. Красильникова, О.А. Лаптева, Б.И. Осипов, Н.Н. Розанова, О.Б. Сиротинина, Ю.М. Скребнев, Е.Н. Ширяев, А.А. Юнаковская и др.), конверсационного анализа (G Jefferson, W. Labov, H. Sacks, E.A. Schegloff и др.), естественной письменной речи (Н.Б. Лебедева и др.), коммуникативной диалектологии (В.Е. Гольдин, О.Ю. Крючкова и др.), социальной психологии и психолингвистики (Л.С. Выготский, И.Н. Горелов, Т.М. Дридзе, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, К.Ф. Седов и др.), теории речевых жанров (В.В. Дементьев, Н.Б. Лебедева, Н.В. Орлова, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др.).

1.8. Исследование **специфики текстопорождения** в повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсах опирается на концепцию повседневности как сферы коммуникативной деятельности человека, базовыми признаком которой является ее рутинный, типичный, регулярно воспроизводимый характер, привычный для индивида и близкий к автоматическому (Н.Н. Козлова, Ю.М. Лотман, В.Н. Сыров и др.).

1.9. Специфика, накладываемая на личностно-ориентированное речевое общение **устностью канала передачи информации**, определяется с опорой на исследования устной формы реализации языка (В.Д. Девкин, К.А. Долинин, Е.А. Земская, А.А. Кибрик, О.А. Лаптева, Ю.М. Лотман, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, У. Чейф, Е.Н. Ширяев, Д.Н. Шмелев, G. Jefferson, W. Labov, H. Sacks, E.A. Schegloff и др.).

1.10. При решении проблемы **субъектной упорядоченности текстопорождения (речевого контроля)** использовались различные концепции осознанного порождения речи (А. Вежбицкая, И.Т. Вепрева, В.Г. Гак, Н.Д. Голев, А.А. Залевская, Н.Б. Лебедева, С.Е. Никитина, А.Н. Ростова, Т.Н. Скат и др.).

2. Предмет настоящего исследования – **полифоническая организация текста** – определяется на основании следующих положений.

2.1. Концепция **полифонического текста** строится на положении о том, что говорящий в процессе текстопорождения использует иноречевые формы, претерпевающие в процессе включения в текст определенные трансформации в соответствии со спецификой социального типа дискурса, конкретизированной с учетом специфики дискурса ситуационного. В результате текст реализует такое свойство, как интертекстуальность, рассматриваемое как проявление его текстуальности (И.В. Арнольд, Р. Барт, М.М. Бахтин, Р.-А. Богранд, Б.М. Гаспаров, Г.В. Денисова, Ж. Деррида, В. Дресслер, Ж. Женетт, А.К. Жолковский, Ю. Кристева, Н.А. Кузьмина, Р. Лахман, Н. Пьеге-Гро, И.П. Смирнов, Ю.Н. Тынянов, Н.А. Фатеева, В.Е. Чернявская и др.).

2.2. При формировании концепции «чужого слова» в тексте **личностно-ориентированных дискурсов** учитываются достижения теории цитации (Н.Д. Арутюнова, А.А. Вежбицкая, Б.С. Шварцкопф и др.), теории прецедентности (Н.Д. Бурвикова, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных и др.), а также теории чужой речи (М.В. Китайгородская, О.А. Михайлова, О.И. Москальская и др.). Значительную роль играет концепция мотивного анализа Б.М. Гаспарова,

построенная на анализе смыслового потенциала «голосов», привнесенных в неинституциональный текст в результате дотекстового употребления его элементов.

2.3. Анализ **условий реализации** текстом свойства **интертекстуальности** через посредство инодискурсивных речевых форм опирается на концепцию дискурсивной картины мира (З.И. Резанова), положение о специфике информационного содержания дискурсов, выраженной в тексте (Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, В. Кинч, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, З.И. Резанова, И.В. Силантьев, М.А.К. Хэллидей, У. Чейф и др.).

2.4. Выбор **дискурсов-источников** определяется качественным разнообразием их интенциональности, задающей специфику текстовой формы, а также особой активностью использования их речевых форм в исследуемом дискурсе. Теоретической базой для выявления этой специфики являются работы, в которых рассматриваются свойства (а) дискурса документа (Б.Э. Азнаурьян, В.С. Григорьева, С.А. Канащук, М.К. Любимова, Т.А. Петрова, В.А. Пономаренко, О.П. Сологуб, О.С. Сыщиков, Н.С. Федотова и др.), (б) политического дискурса (К.А. Богданов, В.З. Демьянков, М.В. Ильин, А.Г. Кириллова, М.А. Кронгауз, Н.А. Купина, В.А. Маслова, А.П. Романенко, П. Серио, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) и (в) фольклорного дискурса (С.Б. Адоньева, Е.И. Алещенко, С.Б. Артеменко, П.Г. Богатырев, К.А. Богданов, Г.А. Левинтон, С.Е. Никитина, С.Ю. Неклюдов, С.Е. Никитина, В.Я. Пропп, Б.Н. Путилов, Н.И. Толстой, А.Т. Хроленко, Ю.А. Эмер и др.).

2.5. Верификация речевых форм как знаков дискурса, являющихся продуктом его стиля, проводится с опорой на положения о семиотическом представлении культуры (Р. Барт, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Э. Кассирер, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, М. Фуко и др.), на разработанные в рамках лингвокультурологии положения об отражении культурной информации в языке, дискурсе и тексте (А. Вежбицкая, В. Гумбольдт, В.В. Красных, М.А. Кронгауз, В.А. Маслова, А.П. Романенко, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, школа Н.И. и С.М. Толстых, Б. Уорф и др.).

Эмпирической базой исследования послужили тексты устного личностно-ориентированного дискурса, представленные в виде аудио- / видеозаписей или зафиксированные письменно. Устные источники – записи городской и сельской речи, выполненными автором и его коллегами в 2003–2014 гг. (более 11 ч. звучания; более 76 с. текста). Письменные источники – записи сельской речи (более 3000 с.), сделанные филологами ТГУ в рамках экспедиций (сер. XX – нач. XXI в.), материалы Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), 13 сборников городской и сельской разговорной речи.

При лексикографической верификации использовались *специальные лексикографические источники* – терминологические словари (4 словаря), *нормативные и ненормативные толковые словари русского литературного языка и диалекта* (10 словарей).

Для верификации принадлежности полифонических включений к источнику были использованы официальные документы: законы, указы, технические регламенты и др. (<http://consultant.ru>, <http://docs.cntd.ru/> и др.), тексты советских СМИ, труды классиков марксизма-ленинизма.

В качестве дополнительного материала привлекались политические документы, разъяснительные и презентационные материалы, представленные на официальных сайтах современных государственных структур (например, ГУ МВД России по Алтайскому краю (<http://22.mvd.ru/uvd/memory/victory>) и под.).

В результате в 1936 текстах личностно-ориентированных дискурсов было зафиксировано и верифицировано 2675 иноречевых форм, в том числе 922 – из дискурса документа (1763 случая использования), 1643 – из политического дискурса (2046 случаев использования) и 110 – из фольклорного дискурса (118 случаев использования).

Методы исследования. Предмет и цель исследования обусловили формирование комплексной методики анализа текстов личностно-ориентированных дискурсов как способа применения различных методов.

Для **сбора материала** были использованы (1) *полевые методы* – включенное наблюдение и интервью-беседа (способы фиксации – аудио- и видеозаписи, рукописные записи в дневнике), (2) *метод сплошной и дифференцированной выборки* из первично обработанных источников, в том числе *корпусные методы*.

Выбор **методов исследования** осуществлялся на основании методологии **дискурс-анализа** – комплексной междисциплинарной методологии, предполагающей использование конкретных взаимно дополняющих друг друга методов и представляющей речевую деятельность как составляющую деятельности социальной.

На **первом этапе** на основании *наблюдения* и *интроспекции* были выделены контексты, содержащие единицы, обладающие иноречевой природой.

Метод *наблюдения* позволил выделить контексты, содержащие иноречевые фрагменты, сопровождаемые метатекстовыми комментариями, то есть обнаруживающие осознанный характер (различной степени) их использования автором текста.

Метод *интроспекции* позволил произвести первичную выборку контекстов, содержащих иноречевые фрагменты, не сопровождаемые метатекстовыми комментариями. При использовании данного метода интерпретационной лингвистики учитывалось, что он обладает целым рядом ограничений, связанных, в том числе, с обращением к анализу лингвокультуры, не совпадающий с лингвокультурой исследователя (например, при анализе диалектной лингвокультуры). Указанное ограничение в значительной степени снимается тем, что источник иноречевых фрагментов, как иноречевая / инотекстовая по отношению к результирующей сфера, в большинстве случаев не относится к области специфических для каждой лингвокультуры смыслов: документы, политика и фольклор являются общими для всех представителей национальной культуры коммуникативными сферами.

В дальнейшем была выполнена верификация результатов интроспекции, установлено содержание выявленных единиц в источнике. Для этого были использованы методы *лингвокультурологического* и *интертекстуального анализа* (в том числе – прием *количественного анализа*, обнаруживающий количество интертекстуальных пересечений), *семантико-стилистического анализа* (включая прием *стилистической трансформации*), *контекстуального* и *денотативно-*

референтного анализа, а также метод семной интерпретации словарной дефиниции. С помощью описательного метода (методик интерпретации и классификации) выделяются основания для формально-содержательной классификации выделенных иноречевых форм.

На **втором этапе** исследования с целью выявления результатов трансформации содержания речевой единицы источника в результирующем тексте используются приемы *сравнительно-сопоставительного* анализа, предполагающие сравнение содержания речевой формы и ее референции в источнике и в результирующем тексте личностно-ориентированного дискурса.

На **третьем этапе** для выявления факторов, влияющих на механизмы использования иноречевых форм различного типа в личностно-ориентированных дискурсах, применяются *социолингвистический* и *коммуникативно-прагматический* методы. Их результаты используются в дальнейшем для *дискурсивного моделирования* речевого процесса, основанного на установлении соотношения между внешними по отношению к тексту дискурсивными параметрами и обеспеченными ими текстоформирующими параметрами [Дейк, Кинч, 1998, Дейк, 1999]. Полученные модели дискурса соотносятся с типами включенной в текст иноречевой формы и типом ее трансформации, осуществляются количественные подсчеты иноречевых форм каждого типа. В итоге выявляются социодискурсивные модели речевого поведения, реализуемые при использовании иноречевых форм различного типа.

В результате обобщения обнаруженных моделей выявляются факторы и механизмы формирования полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов в их обусловленности типичными дискурсивными интенциями, задающими обращение к иноречевым формам различного типа, и характер их трансформации при включении в результирующий (полифонический) текст.

Научная новизна исследования обусловлена разработкой научной концепции полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов и ее применением к анализу особого материала.

Исследование речевых единиц, выступающих в тексте в качестве знаков других текстов / дискурсов, имеет обширную филологическую традицию. В работе в рамках общей теории интертекстуальности и полидискурсивности впервые разработана концепция полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов. В ее рамках представлена типология речевых форм, участвующих в формировании полифонического текста, и факторы, определяющие его полифоническую организацию.

Впервые выявлены факторы формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах и описана специфика их действия. Выявлены типы личностно-ориентированных дискурсов, в которых полифонический текст формируется особым образом под влиянием специфики личностно-ориентированной дискурсивной интенции.

С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработана модель анализа его полифонической организации.

На основании данной модели описаны механизмы формирования полифонического текста в русских устных личностно-ориентированных дискурсах различного типа.

Впервые полифоническая организация текстов неинституциональной коммуникации проинтерпретирована как результат междискурсивного взаимодействия личностно-ориентированных и институциональных дискурсов, формирующихся на основании различной интенциональности, выполняющих различные социальные функции и отраженных в когниции обыденного человека в качестве речевого опыта.

В аспекте обозначенной концепции введен в научный оборот материал русской неинституциональной коммуникации.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом настоящего исследования в разработку проблем теории современного русского языка. Работа вносит вклад в развитие целого ряда направлений общей лингвистической теории в ее приложении к конкретному материалу русского языка.

1. В данном исследовании получили развитие идеи полифоничности, сформированные на материале текстов письменной, преимущественно художественной, коммуникации, а также некоторые отдельные положения, сформированные на материале личностно-ориентированной коммуникации.

В качестве их развития описаны дискурсивно обусловленные принципы стабилизации речевых форм, обеспечивающие их ориентированность на междискурсивное распространение, типы единиц, формируемых в рамках такой стабилизации, а также способы объективации дискурсивно стабилизированных единиц различного типа в дискурсе-источнике и в результирующем – личностно-ориентированном – дискурсе. Особенности личностно-ориентированных дискурсов как сферы реализации полифонического текста получили полное, развернутое описание.

В результате создана концепция полифонического текста в неинституциональной коммуникации, выявлены факторы и механизмы его формирования.

Введены термины «полифонический текст», «полифоническая организация текста», «полифоническое включение».

В связи с этим работа вносит вклад в развитие *теории текста*, в том числе – *теории интертекстуальности и полидискурсивности*.

2. Обращение к новому материалу потребовало разработки новой методологии решения проблемы полифоничности.

С учетом дискурсивных факторов, влияющих на формирование текста личностно-ориентированных дискурсов, разработана модель анализа его полифонической организации, которая может быть применена при изучении текстов самого различного типа.

В связи с этим исследование вносит вклад не только в теорию текста, но и в методологию анализа текстов определенного типа, в решение проблем полифоничности текстов определенного типа и – как следствие – в *методологию текстологических исследований* в целом.

3. В работе развиваются идеи дискурс-анализа (концепция дискурсивной картины мира, дискурсивного стиля, своеобразии принципов внутренней организации личностно-ориентированных и институциональных дискурсов, принципы дискурсивного текстопорождения).

В качестве их развития описаны специфические особенности дискурса документа, политического и фольклорного дискурсов в аспекте их ориентированности на распространение речевых форм в обыденную коммуникацию. Также в аспекте влияния на полифоническую организацию текста описаны факторы и принципы текстопорождения в личностно-ориентированных дискурсах.

Введено понятие модусно-диктумной структуры дискурса, рассмотренной как основание его стилистического своеобразия. Проанализирована специфика дискурсивного стиля указанных институциональных и личностно-ориентированных дискурсов. Для обозначения указанного понятия введены термины «дискурсивный модус» и «дискурсивный диктум».

В связи с этим выполненное исследование имеет значение для развития *теории дискурса*.

4. Обращаясь к подробно исследованным параметрам социальной обусловленности текстопорождения, к определяющей его специфике русского социума, проведенное исследование выявляет результаты влияния этих параметров на формирование одного из важнейших свойств текста – его полифоничности. Тем самым, оно является значимыми для *социолингвистики*.

5. Результаты исследования значимы и для *когнитивной лингвистики*: исследование когнитивных структур личностно-ориентированного и институционального общения, участвующих в моделировании дискурсивных картин мира, выявление специфики востребуемых в личностно-ориентированном общении смыслов позволяет расширить и углубить представления о когнитивной специфике дискурсов обыденного человека.

6. Разработка концепции полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов включает анализ специфики результатов деятельности говорящего субъекта в условиях непосредственного спонтанного общения. В связи с этим исследование вносит вклад в разработку *теории устной спонтанной речи*, принципов устного разговорного общения.

7. Исследование, обращаясь к принципам повседневного и неповседневного существования обыденного человека, вносит вклад в развитие гуманитарного знания в целом.

Практическая ценность исследования заключается в следующем.

Его результаты могут быть применены в учебно-педагогической практике, в разработке и чтении теоретических курсов для бакалавров, магистров и аспирантов гуманитарного профиля, а именно – курсов когнитивной семантики, дискурс-анализа, текстологии, жанрологии, теории разговорной речи, лингвокультурологии, этнолингвистики; в практике обучения основам научно-исследовательской деятельности, а также в практике преподавании русского языка как иностранного.

Результаты анализа восприятия обыденным человеком социального авторитета институциональных дискурсов могут быть использованы в практиках копирайтинга, PR-практиках и других видах манипулятивно ориентированных

текстопорождающих практик. Выявленные принципы речевого поведения обыденного человека в институционально не регулируемых ситуациях различного типа могут учитываться в практике различных общественных структур, осуществляющих социальное регулирование, в социально-аналитической деятельности.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Любой текст может быть эпистемологически представлен как *полифонический* – обладающий *полифонической организацией* как особым способом организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов, созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации данного текста.

2. Формирование полифонического текста определяется (1) факторами, заданными спецификой дискурса – источника полифонической организации текста, а именно спецификой модусно-диктумного содержания дискурса-источника, заданной его интенциональностью, и спецификой его дискурсивного стиля; (2) факторами, заданными спецификой результирующего дискурса, формирующего полифонический текст, а именно интенциональным фактором (взаимодействие субъектных и дискурсивных интенций) и диктумным фактором (отношение диктума результирующего дискурса к диктуму его источника).

3. Речевые единицы как носители инодискурсивной информации – полифонические включения – реализуются в полифоническом тексте в виде (1) цитатных речевых форм, сохраняющих не только общий модус дискурса-источника, но и его конкретизированное содержание, заданное в ситуационном дискурсе-источнике, и реализующих когнитивную установку говорящего на точное воспроизведение фрагмента «чужого» текста; (2) стилистико-ресурсных речевых форм, образованных на основе инодискурсивных стилистических ресурсов и реализующих инодискурсивное содержание независимо от того, осознает ли его говорящий.

4. Способность к стабилизации речевых форм в дискурсе, их междискурсивному распространению является продуктом их институциональности. Институциональные дискурсы выступают в качестве источников формирования полифонического текста на основании их способности закреплять в речевой форме *общий дискурсивный модус* – как константное интерпретирующее общедискурсивное содержание, заданное их интенционально обусловленной ценностной позицией по отношению к диктумному содержанию. Закрепленное за особой речевой формой стабилизированное содержание усваивается субъектом результирующего дискурса в процессах получения полидискурсивного опыта и в результирующем полифоническом тексте становится фактором регулирования его формально-содержательной организации.

5. Механизмы формирования полифонического текста устных личностно-ориентированных дискурсов определяются как условиями текстопорождения, ориентированностью на отработанные в повседневном общении модели полифонической организации, так и восприятием обыденным человеком

социального авторитета институциональных дискурсов как ложного или истинного.

6. В полифоническом тексте личностно-ориентированных дискурсов модусное содержание источника реализуется вариативно (нейтрализуется, сохраняется или трансформируется), что детерминируется их особой информационно-стилистической разомкнутостью. Полифонические включения, в которых сохраняется / трансформируется модус источника, выступают в качестве средств реализации субъектного текстового модуса.

7. Типы личностно-ориентированных дискурсов, обнаруживающие специфику полифонической организации текста, противопоставляются по характеру дискурсивной интенции, социально заданным условиям общения, определяющим уровень психологического комфорта субъекта в дискурсе. На основании специфики дискурсивной интенции выделяются *дискурсы практической направленности*, ориентированные на преобразование текущей экстралингвистической ситуации с привлечением речевых средств, и *интерпретационной направленности*, в которых порождение текста – действие доминантное, существующее относительно независимо от сопровождающих его неречевых действий. На основании социально заданных условий общения, влияющих на специфику субъектной интенции в дискурсе, выделяются *дискурсы повседневные*, протекающие по привычным для говорящего сценариям, освоенным в процессах получения дискурсивного опыта, и *неповседневные* – связанные с нарушением этих сценариев под влиянием социальных обстоятельств.

8. Обращение обыденного человека к инодискурсивным речевым формам в личностно-ориентированном общении является частью его интерпретационной дискурсивной деятельности, проявленной в дискурсах *интерпретационной направленности*.

9. Формирование полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах интерпретационной направленности определяется (1) общими для полифонического текста любого дискурса факторами (положение 2), (2) особым для данного дискурса фактором социально-речевого типа говорящего субъекта. Фактор субъектной интенциональности имеет особый – дополнительный – аспект реализации, определяющий направленность его действия в соответствии с условиями комфортного / дискомфортного общения.

10. Модель анализа полифонической организации текста устных личностно-ориентированных дискурсов включает следующие этапы: (1) выявление иноречевых форм; (2) верификацию их принадлежности к источнику определенного типа; (3) анализ модусно-диктумного содержания полифонических включений в результирующем тексте и его сопоставление с модусно-диктумным содержанием в источнике; (4) анализ социолингвистических оснований их использования; (5) выявление функции полифонических включений в результирующем тексте, определяющих специфику его социолингвистически обусловленного смысла.

11. В неповседневных дискурсах концентрация институциональных полифонических включений выше, чем в дискурсах повседневных, что определяется установкой субъекта на повышение статуса собственного речевого

произведения, заданной условиями дискурсивного дискомфорта. В повседневных дискурсах при меньшей концентрации институциональных полифонических включений регистрируется большее разнообразие результатов их модусной трансформации, что определяется более высокой активностью их адаптации к условиям ситуационного дискурса.

12. Для выражения субъектных интенций в личностно-ориентированных дискурсах модусные смыслы институциональных дискурсов-источников, транслируемые через полифонические включения, могут использоваться не только в соответствии с институционально заданным диктумным содержанием, но и вне обращения к нему. В повседневных дискурсах использование институционального модусного смысла допускает его нейтрализацию и активную трансформацию, в неповседневных – требует его последовательного сохранения, что обусловлено субъектной установкой на восстановление дискурсивного порядка. Полифоническая организация текста неповседневных дискурсов зависит от его диктумного содержания в значительно большей степени.

13. Различия социально-речевых типов субъекта русских личностно-ориентированных дискурсов, заданные спецификой их полидискурсивного опыта, уровнем владения эпистемологическими моделями освоения дискурсов, определяют различие в уровне осознанности формирования полифонического текста. Субъект, обладающий высокой степенью освоенности дискурсивных практик, способностью дифференцировать результаты дискурсивного опыта в процессах речевого контроля, активнее адаптирует институциональные полифонические включения к условиям дискурса.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на 42 конференциях различного уровня и тематики, среди которых Международные научные конференции «XXII Дульзоновские чтения» (Томск, 2000), «Американский и сибирский фронт» (Томск, 2001), «Актуальные проблемы русистики: языковые аспекты регионального существования человека» (Томск, 2005), «Язык и культура» (Томск, 2002, 2005, 2006, 2007, 2008, 2010, 2012, 2013, 2014, 2015), «Концепт и культура» (Кемерово, 2008), «Советская культура в современном социопространстве: трансформации и перспективы» (Екатеринбург, 2008), «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» (Томск, 2009), «Когнитивные науки: междисциплинарное исследование мышления и интеллекта» (Томск, 2009), «Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России» (Томск, 2010), «Русская речевая культура и текст» (Томск, 2014), «Пятнадцатые филологические чтения. Проблемы интерпретационной лингвистики. Прагматика и словарь» (Новосибирск, 2014), «Шестнадцатые филологические чтения. Проблемы интерпретационной лингвистики: семантические и прагматические аспекты слова, высказывания, текста» (Новосибирск, 2015), Всероссийская конференция «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (Томск, 2003), Всероссийская конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 2015), Вторая научная конференция памяти академика Ю.С. Степанова «Изменчивый 'образ языка' в науке и искусстве» (Новосибирск, 2015), I и II Всероссийский конгресс фольклористов России (Москва, 2005, 2010) и др.

Результаты исследования отражены в 62 публикациях, в том числе в 21 статье, опубликованной в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, и разделах 7 коллективных монографий.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность работы, ее научная новизна и теоретическая значимость, формулируются цели и задачи исследования, определяется его объект и предмет, характеризуется материал, методологическая база, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теория полифонической организации текста» представляет концепцию текстовой полифонии, разработанную на материале личностно-ориентированных дискурсов, в контексте общей логики формирования концепции полифонического текста как продукта дискурсивной деятельности.

В разделе **1.1 «Текст как предмет исследования. Проблема формирования понятия текстуальности»** освещается развитие дискурсивно обусловленной концепции текста. В основе ее формирования выявляются две исследовательских линии: (1) основанная на развитии идей структурализма и (2) связанная с идеями М. Бахтина.

В рамках структуралистских исследований ее основания обнаруживаются в идеях Пражского лингвистического кружка, получающих развитие в отечественной функциональной стилистике.

К 60-м гг. XX в. кризис структурной лингвистики и развитие идей постструктурализма приводят к методологическому повороту. Текст получает статус объекта исследования. Различные аспекты его внешней обусловленности находят отражение в теории речевых актов, общей теории коммуникации, социолингвистике и психолингвистике.

В исследованиях 60-70х гг. XX в. Оформляется концепция текста как основной речевой единицы, обусловленной целями и характером коммуникации, формируется лингвистика текста, ставится вопрос о признаках текстуальности – *связности* и *цельности*. Развитие функциональной исследовательской парадигмы приводит к расширению исследовательского объекта, в который включаются внешние условия текстопорождения. Текст становится предметом исследования.

Другая исследовательская линия прямо апеллирует к философской концепции М.М. Бахтина, представляющей текст как речевую единицу, *целостный* смысл которой обусловлен *социальными* условиями ее реализации, *деятельностным авторским* началом и особенностями *адресата*. Она формируется в рамках французского постструктурализма (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.) и ориентируется на разрушение базовых признаков текстуальности. Текст осознается как динамическая *внесубъектная* сущность, лишенная референции (или полиреферентная), получающая знаковое оформление в соответствии с некоторым *социальным кодом* и наполняющаяся смыслом только в конкретных условиях его

восприятия. Множественность реализуемых в тексте кодов *выводится за пределы ведения авторской интенции*. Оформляется положение об *открытости границ текста*, воплощающее *методологическую интеграцию теории текста в теорию дискурса*, формирование которой осуществляется параллельно (А. Пеше, М. Фуко и др.).

Современный дискурс-анализ объединяет две теоретических концепции дискурса: (1) как целостной социальной формации текстов (М. Фуко, французский дискурс-анализ, постструктурализм); (2) как конкретного коммуникативного акта (аналитическая философия Л. Витгенштейна, теория речевых актов, теория коммуникации (П. Грайс), социолингвистические и психолингвистические исследования). Текст рассматривается как результативная сторона дискурса, системный характер которого обеспечивает его *связность* и *цельность*.

Начиная с 80-х гг. XX в. понятие «текст» последовательно связывается с процессом коммуникации. Оформляются две его концепции (В.В. Касевич и др.): (1) в узком смысле – статичный результат коммуникативно-речевой деятельности, организованный по принципу осознанной упорядоченности, лишенный спонтанности; (2) в широком смысле – динамический компонент коммуникативного процесса.

В реферируемой работе используется широкое понимание текста, при котором ведущий признак текстуальности – *цельность* текста, определяющая его границы и внутреннюю связность в рамках социально обусловленной коммуникативной ситуации. Процесс порождения текста регулируется «двойной» интенциональностью: (1) *ситуативной субъектной интенцией* его автора и (2) *интенцией дискурсивной* – типовой интенцией типового субъекта социального дискурса, реализуемой в результате восприятия субъектом социально заданных дискурсивных правил.

Применение данного подхода позволяет обнаружить и проинтерпретировать результаты межтекстового / междискурсивного взаимодействия в их обусловленности спецификой источника полифонической организации текста и коммуникативной сферы его порождения.

Раздел **1.2 «Полифонический текст как особый объект филологического анализа»** описывает динамику развития филологической концепции интертекстуальности и полидискурсивности, представляющей любой текст как полифонический.

Формирование теории полифонического текста рассматривается в контексте общей модели развития человеческой культуры, определяемой трансформацией информационно-коммуникационной модели реальности. Литературоведческие и лингвистические концепции рассматриваются в единой междисциплинарной логике.

В трактовке текста как компонента дискурса лингвистика и литературоведение максимально сближаются. Вариативность обнаруживается в методологии анализа «чужого слова». Лингвистика обращается к нему как к *конкретной единице текстовой формы* в ее обусловленности другой *единицей* как *текстовой формой* (текстом-источником), к механизмам ее функционирования в полифоническом тексте, обеспечивающим формирование его содержания, а также к типам таких

единиц. В центре внимания литературоведения – *межтекстовые смысловые связи*, обеспечивающие формирование смысла художественного произведения, а также типы этих связей (В.Е. Чернявская).

В подразделе **1.2.1 «Формирование концепции полифонического текста в литературоведческих исследованиях»** рассматриваются основные идеи литературоведческих концепций полифоничности текста, актуальные для лингвистики.

Идея полифоничности текста впервые развернута в работах М.М. Бахтина, поставившего под сомнение идею нормативной тождественности форм языка для субъективного сознания говорящего. Концепция «чужого слова» М.М. Бахтина определяет онтологические и гносеологические основания постструктуралистской концепции интертекстуальности и – через идею деконструкции – гносеологические основания современных концепций полифонического текста.

Литературоведческая концепция полифонического текста в процессе развития сформировала ряд идей, значимых для филологии в целом.

1. Динамический характер взаимодействия общей интенциональности художественного дискурса с интенциональностью автора и читателя как его субъектов, включенных в социокультурный процесс; не прямые отношения между полифоническим текстом и его источником, опосредованные указанными типами интенциональности (А.Н. Веселовский, Б.В. Томашевский, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Р. Барт, Ю. Кристева, И.П. Смирнов, А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов, Н.А. Фатеева, М. Риффатер, Б.М. Гаспаров и др.).

2. Наличие специфики объективации смысла источника, определяющей его ориентированность на распространение и обеспечивающей связь с ним в полифоническом тексте. Среди вариантов такой объективации обнаруживаются как вербальные формы (цитаты и стилистические средства), так и невербальные – логико-смысловые (М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, К.Ф. Тарановский, французский постструктурализм и др.). Идея множественности форм объективации источника развивается в связи с созданием типологий межтекстовых связей (Ж. Женетт, Н. Пьеге-Гро, И.П. Смирнов, П.Х. Тороп, Н.А. Фатеева и др.).

3. Динамизм выработки смысла полифонического текста, потенциальная множественность его прочтения, зависящая от конкретных условий его порождения / восприятия; вариативность (сохранность и трансформация) смысла текста-источника в результирующем тексте, обусловленная его общим содержанием (А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин, Ю.Н. Тынянов, Ю.М. Лотман, К.Ф. Тарановский и др.). В постструктуралистской концепции идея борьбы смыслов (как форма борьбы «идеологий» (Ю. Кристева)) предстает в качестве основополагающего принципа существования текста. Идея множественности вариантов прочтения текста воплощается в понятии «мотивной инфраструктуры» Б.М. Гаспарова.

В подразделе **1.2.2 «Формирование концепции полифонического текста в лингвистических исследованиях»** рассматривается реализация в лингвистике общефилологических идей и собственно лингвистические положения, сформировавшие современную лингвистическую концепцию полифонического текста.

Лингвистика рассматривает художественный текст как один из его типов, обнаруживая специфику художественного и нехудожественного текста. При этом на начальных этапах формирования рассматриваемой концепции лингвистика основывается на *разных подходах* к их анализу.

Анализ художественного текста изначально фокусируется на функциональной значимости интертекстуальных единиц различного типа при реализации общего содержания художественного произведения как целостной коммуникативной системы.

Анализ нехудожественного текста первоначально сосредотачивается на коммуникативных функциях отдельного вида интертекстуальных единиц (*чужая речь; цитата; прецедентное высказывание*), в дальнейшем расширяя объект анализа до целого текста, включающего дискурсивно обусловленные единицы различного типа.

Помимо эпистемологического различия разность подходов объясняется онтологическим различием художественного и нехудожественного текста – спецификой формирующих их дискурсов.

При этом начиная с первых работ в области интертекстуальности лингвистика художественного и нехудожественного текста обращается к *коммуникативной обусловленности* функционирования иноречевых единиц.

Осознание текста как речевой формы, содержание которой создается с учетом интертекстуальной отсылки, обусловлено усвоением постмодернистского положения об *открытости границ текста*, о его обращенности к *множеству культурных кодов*, формированием концепции текста как конкретной, материальной, но динамической речевой формы.

Результатом интегрирования в лингвистику общефилологических идей стали следующие положения.

1. Формирование полифонического текста регулируется динамическим взаимодействием общей интенциональности порождающего дискурса с субъектной интенциональностью говорящего и слушающего, включенных в социокультурный процесс и обладающих определенным речевым опытом.

2. Сфера формирования интертекстуальных единиц – не только конкретный текст-источник, но и определенная парадигма текстов, объединенных на социокультурных основаниях, обеспечивающих общность их конкретно-речевых свойств.

3. Эти свойства позволяют представить содержание источника в результирующем тексте. Литературоведческие типологии межтекстовых связей в лингвистике соответствуют функциональным типологиям рассматриваемых единиц (И.В. Арнольд, Е.А. Баженова, Г.В. Денисова, Е.М. Дронова, Н.С. Олизко и др.).

4. Содержание полифонического текста формируется на основании динамической, коммуникативно обусловленной интерпретации этих единиц.

Новый подход к анализу нехудожественного текста как текста полифонического обнаружил новые исследовательские задачи и новые аспекты их решения.

1. Дискурсивное понимание цельности полифонического текста, а также обращение не только к конкретно-текстовым, но и к архетипическим источникам

полифонии определили необходимость учета характера дискурса-источника в аспекте его ориентированности на распространение речевых форм.

2. Расширен круг единиц, являющихся носителями интертекстуального / междискурсивного взаимодействия: обнаруживается возможность «двойного прочтения» не только единиц, являющихся формами выдвижения (И.Л. Абанина, Э.М. Аникина, Н.З. Баширова, Т.В. Дубровская, Т.В. Марченко, Г.С. Салова, А.А. Филинский и др.), но и единиц, включенных в текст вне позиции выдвижения (Е.А. Гончарова, Е.А. Костяшина, Н.А. Кузьмина, Е.А. Попова, М.В. Терских, Л.С. Тихомирова, Т.А. Ускова, В.Е. Чернявская и др.).

3. Выявлена обусловленность полифонического текста не только конкретно-коммуникативными условиями говорения, но и социально-дискурсивными. С учетом дискурсивной специфики проанализированы тексты институциональных дискурсов, характеризующихся особой последовательностью реализации социальных факторов.

Концепция полифонического текста лично-ориентированных дискурсов находится в начале формирования (единственное монографическое описание в аспекте восприятия – работа Б.М. Гаспарова¹). Направление его анализа только намечено.

1. Обнаружены отдельные архетипические свойства некоторых дискурсивных источников его полифоничности (А.А. Павлова, М.В. Терских).

2. Проанализированы отдельные виды единиц полифонического текста, реализующие свои свойства как в позиции выдвижения (Ю.А. Гунько, Ю.С. Климец, Е.В. Медведева, Г.Г. Сергеева), так и вне ее (А.А. Павлова).

3. Описаны отдельные особенности внеинституционального общения как сферы реализации полифонического текста (Ю.А. Гунько, Ю.С. Климец, А.А. Павлова, Г.Г. Сергеева).

В разделе **1.3 «Полифоническая организация текста лично-ориентированных дискурсов: теоретические презумпции и подходы к анализу»** представлены результаты разработки теории полифонического текста применительно к материалу лично-ориентированной коммуникации. «Чужое слово» рассматривается как компонент полифонически организованного текста, формируемого на основании лично-ориентированных дискурсивных интенций.

В основе обозначенного подхода лежат следующие положения:

1. Текст есть результативная сторона дискурса.

2. Механизм его порождения реализуется, с одной стороны, с опорой на языковую систему, а с другой – на произведенные ранее «готовые» речевые формы.

3. Текст с позиций такого подхода является *полифоническим*. Данный термин выражает особый аспект его онтологии. Характер взаимодействия субъектных и дискурсивных интенций – одни из ведущих факторов его порождения.

4. Полифонический текст характеризуется *полифонической организацией* – особым способом организации текстовой информации, при котором ее производство и восприятие в коммуникативном процессе осуществляется за счет

---

¹ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва, 1996. 348 с.

обращения к смысловому содержанию множества речевых фрагментов (речевых форм), созданных и получивших определенную смысловую нагруженность до конкретно-ситуативной реализации данного текста.

5. «Готовые» речевые формы, включенные в полифонический текст, созданы с использованием единиц языковой системы в других текстах (*текстах-источниках*) и получили особое содержание на основании специфики *дискурса-источника*, связь с которым они сохранили. Специфика дискурса-источника – значимый фактор формирования полифонического текста.

6. В полифоническом тексте источник объективируется в виде особой единицы, которая формируется в процессе *формально-смысловой стабилизации – закрепления за речевой формой некоторого константного содержания, заданного социально-речевой сферой, воспринимаемой представителями данного социума как сфера ее порождения*. Наличие в дискурсе-источнике потенциала стабилизированных речевых форм также является фактором формирования полифонического текста. Их содержание в результирующем тексте может нейтрализоваться или сохраниться / трансформироваться.

В данной работе к анализу привлекаются только те иноречевые формы, которые поддаются верификации лингвистическими методами, на основании *внешней социальной обусловленности текстопорождения*.

Обозначенные принципы организации речевой формы дискурса, входящие в систему дискурсивных правил, формируют особый *дискурсивный стиль*. Понятие дискурсивного стиля определяется в рамках когнитивной методологии и дифференцируется на фоне понятия функционального стиля, обнаруживающего с ним качественное сходство. Стиль дискурса определяется как *вербально ориентированный процесс обработки дискурсивной информации, заданный субъектной интенцией и дискурсивными правилами*.

Специфика организации дискурсивной информации характеризуется на основании понятия «*дискурсивная картина мира*» (З.И. Резанова) и представляется в виде модусно-диктумной структуры, соотносимой с заданным Ш. Балли понятием коммуникативной структуры предложения. В содержании дискурса выделяется объективно-фактологический компонент – *дискурсивный диктум* – и интенционально обусловленная позиция дискурса по отношению к нему – *дискурсивный модус*. Дискурсивный диктум является результатом интенционально заданного отбора информации в дискурсе. Он всегда модусно ориентирован. Модус дискурса отражает дискурсивные ценности и является социально объективированным, «рамочным» смыслом, который субъект дискурса вынужден учитывать при реализации собственной частной цели.

Модусно-диктумная организация дискурсивной картины мира определяет стилистическое своеобразие *типовых социальных дискурсов*, вырабатывающих принципы организации речевой формы, отвечающие их социальной интенциональности и формирующие особую систему *дискурсивных стилистических ресурсов*, а также *ситуационных дискурсов*, определяющих принципы организации речевой формы в соответствии с ситуативной интенциональностью. Формирование стиля ситуационного дискурса осуществляется субъектом на основании *образа*

правильной речи (М.Л. Макаров) как результата адаптации его дискурсивного опыта.

Одним из проявлений стилистического своеобразия дискурса является специфика полифонической организации текста, значимой единицей которого является полифоническое включение – *отдельный речевой фрагмент текста, обладающий некоторой «дотекстовой» информацией, закреплённой за ним в процессах бытования в других текстах / дискурсах на основании их дискурсивных правил и специфики дискурсивной картины мира, и способный испытывать в процессе заимствования определённые смысловые трансформации в соответствии с дискурсивными правилами и спецификой дискурсивной картины мира, реализуемыми в конкретно-ситуативных условиях.*

Типология полифонических включений выстраивается на основании (1) их отношения к источнику; (2) способа стабилизации соответствующей им речевой формы источника.

1. На основании отношения к источнику выделяются *внутридискурсивные* (заимствованные из другого текста дискурса того же типа) и *инодискурсивные* (заимствованные из дискурса иного социального типа) полифонические включения.

2. На основании *способа стабилизации* речевой формы источника выделяются *цитатные* (цитаты и квазицитаты из конкретных текстов) и *стилистика-ресурсные* (созданные на базе инодискурсивных стилистических ресурсов и не имеющие онтологической связи с конкретным текстом дискурса-источника) полифонические включения.

Цитатные полифонические включения сохраняют в процессах стабилизации не только общий дискурсивный модус социального дискурса-источника, но и частное содержание, что регулируется осознанной установкой говорящего. Стабилизация цитат может быть *системной* (основанной на сохранении связи с источником вне зависимости от результирующего контекста) и *ситуативной* (осуществляемой непосредственно в результирующем тексте при единичном, ситуативно обусловленном обращении к отдельному тексту-источнику). Системно стабилизированные цитаты обладают узнаваемостью и воспроизводимостью и реализуются в виде *прецедентных высказываний*: *Мы пойдём другим путём!* (В.И. Ленин) и др. Ситуативная стабилизация цитаты реализуется только при специальных метатекстовых показателях: *Несколько лет назад про настоящую зону хорошо сказал начальник архангельского СИЗО: «У нас тут не сахар, но мы сюда никого не звали» [КП, 2006.01.26] (НКРЯ²).*

Стабилизация *стилистика-ресурсных* полифонических включений осуществляется в рамках дискурса-источника (системна), что определяет возможность как осознанного, так и неосознанного их употребления. Они реализуются в виде (1) *лексических дискурсивно-стилистических средств* – лексем, созданных или адаптированных для обозначения дискурсивно значимого содержания (*фонема, подсудимый, иск, перестройка, ускорение, договор* и под.); (2) *дискурсивных выражений* – структурно и содержательно композитивных единиц, за счёт единства дискурсивного модуса получающих смысловую

---

² Здесь и далее: Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru/>).

целостность, узнаваемость и воспроизводимость (*нести трудовую вахту, на боевом посту, до последней капли крови, дать N центнеров с гектара* и под.); (3) *дискурсивных формул* – клишированных выражений, реализующих связь с дискурсом-источником в соответствии со спецификой заданной в нем формы представления информации (*в соответствии с требованиями..., принять к исполнению..., у моего у милого...* и др.).

Тип полифонического включения отражает действие факторов его формирования – специфики результирующего дискурса и дискурса-источника.

Глава 2 «Личностно-ориентированный дискурс как особая сфера текстопорождения» посвящена анализу специфики исследуемой коммуникативной сферы.

В качестве наиболее значимых выделяются следующие параметры дифференциации социальных практик: (1) по источнику интенции, регулирующей человеческое поведение, – *институциональные* и *личностно-ориентированные*; (2) по степени освоенности моделей поведения, их привычности / непривычности, обусловленной регулярностью участия говорящего человека в них, – *повседневные* и *неповседневные*.

Для их дифференциации рассматривается сфера повседневности – «естественного», «нормального» поведения человека, где формируются и отрабатываются исходные принципы его речевого поведения (раздел 2.1).

При определении границ повседневности наиболее важными являются следующие ее признаки: (1) рутинность, регулярная воспроизводимость, автоматизм деятельности; (2) привычность для индивида ее внешних условий; (3) при освоении мира «ориентация на вписывание в существующие структуры, а не на их преобразование»³.

Одним из аспектов динамики содержания повседневных / неповседневных практик является социально-ролевая позиция их участника. В разделе **2.2 «Обыденный человек в структуре повседневного и неповседневного социального существования»** на основании социологической статусно-ролевой концепции личности определяется категория обыденного человека как *функциональная социально-ролевая позиция*, которая с учетом вариативности внешних условий его бытия противопоставляется позиции институционально заданной.

В структуре деятельности обыденного человека выявляются следующие типы: 1) личностно-ориентированная повседневная и неповседневная деятельность; 2) институционально регулируемая повседневная и неповседневная деятельность.

Эта деятельность в реферируемом исследовании рассматривается в *коммуникативном* аспекте. Выявляются *принципы текстопорождения*, реализуемые в личностно-ориентированной деятельности обыденного человека.

Специфика личностно-ориентированной коммуникативной сферы рассматривается в разделе **2.3 «Дискурсивный подход к исследованию институционально не регулируемой деятельности обыденного человека»**.

---

³ Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II, № S1 (6). С. 157.

В первых двух подразделах (2.3.1; 2.3.2) обсуждаются основные принципы данного подхода, определяется место исследуемой коммуникативной сферы в системе социальной типологии дискурсов.

В подразделе 2.3.3 «Личностно-ориентированные дискурсы обыденного человека» исследуемая коммуникативная сфера анализируется в социодискурсивном аспекте – в соответствии с дискурсивными факторами, влияющими на формирование полифонического текста.

Внутренняя типология исследуемой сферы осуществляется на основании фактора дискурсивной интенции.

1. По характеру дискурсивной интенции выделяются (1) дискурсы *практической* направленности, ориентированные на преобразование экстралингвистической ситуации (речевой процесс сопровождает осуществление участниками каких-либо неречевых действий – ремонт, копка картошки и др.), и (2) дискурсы *интерпретационной* направленности, ориентированные на интерпретацию действительности (речевое действие – доминантное).

2. Специфика условий общения – комфортных / дискомфортных для говорящего – задает направленность его речевой деятельности на поддержание отработанных дискурсивных сценариев (*повседневные* дискурсы) либо на их восстановление (*неповседневные* дискурсы).

Специфика обозначенных типов устных личностно-ориентированных дискурсов рассматривается в аспекте действия значимых для формирования полифонической структуры текста экстралингвистических факторов.

Влияние фактора *условий общения* проявляется через субфактор психологических условий общения – социально заданного уровня комфортности взаимодействия с речевым партнером. Комфорт / дискомфорт речевого обмена создается рядом конкретно-ситуативных *признаков* личностно-ориентированного общения, характеризующих *особенности речевого партнера* и *способ взаимодействия с ним* и формирующих наиболее типичные условия реализации повседневных и неповседневных личностно-ориентированных дискурсов: (1) *публичность / непубличность* общения (К.Ф. Седов); (2) *конфликтность / неконфликтность*; (3) наличие / отсутствие *латентной институциональности* (осознание говорящим неэксплицированного социального статуса собеседника).

Значимость *ролевой структуры* общения проявляется в связи с наличием / отсутствием у субъекта необходимости участвовать в ее формировании. Повседневные дискурсы характеризуются завершенностью ролевого распределения. Неповседневные дискурсы требуют ситуативного ролевого распределения, самопозиционирования субъекта (например, при общении с незнакомым речевым партнером).

Социально-речевой тип субъекта общения (СРТ), выделенный на основании социальной типологии речевых культур (В.Е. Гольдин, Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротина, Е.Н. Ширяев и др.), определяется уровнем владения правилами дискурсов, опытом участия в которых он обладает, способностью дифференцировать результаты этого опыта. СРТ субъекта внеинституционального устного общения дифференцируется менее подробно, чем в указанной типологии. Выделяется два СРТ: СРТ-1 – имеет широкий спектр дискурсивного существования

и владеет дискурсивными правилами широкого круга дискурсов, способностью их дифференциации, проявляет высокий уровень осознанности текстопорождения и активно адаптирует средства языка к условиям дискурса; СРТ-2 – не последовательно реагирует на специфику усвоенных дискурсивных правил, слабее дифференцирует их.

Повседневные дискурсы не требуют высокого уровня речевого контроля, речевая форма субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различается меньше, чем в общении неповседневном. Вступление в *неповседневный дискурс* активизирует речевой контроль для субъекта любого СРТ, но уровень его успешности для СРТ-1 и СРТ-2 различается. Субъект СРТ-1 более адекватно адаптирует средства языка к непривычным сценариям общения.

Стиль дискурса и характер организации текста рассматриваются в их обусловленности описанными экстралингвистическими факторами.

Стиль личностно-ориентированных дискурсов отличается от стиля дискурсов институциональных более низким уровнем формальности процессов вербализации содержания, *большим* разнообразием речевых средств, отсутствием внешней заданности использования речевых средств формального общения.

Открытость *содержания* личностно-ориентированных дискурсов, нейтрализация институционально-ролевых позиций его участников определяют возможность изменения функции речевых форм, произведенных в институциональных дискурсах, под влиянием внеинституциональной субъектной интенции: [*В ответ на критику недошитого платья*]: *Сама просила «примерь-примерь», а слова доброго от тебя не услышишь! Это, между прочим, только демонстрационная версия, в конечном продукте я буду неотразима!* (РРТ⁴).

Внутренняя стилистическая неоднородность личностно-ориентированных дискурсов мотивируется многообразием *локальных дискурсивных целей*, в свою очередь определяющих (1) *условия* и (2) *ролевую организацию* общения, характер (3) *содержания* дискурса.

Текст личностно-ориентированных дискурсов формируется на основании ситуационно обусловленного выбора субъектом речевых средств, усвоенных в практиках как институционального, так и повседневного внеинституционального общения. Субъект обладает большей свободой в выборе речевых средств, поэтому значительную роль играет (4) *тип субъекта общения*.

Результаты влияния обозначенных факторов анализируются применительно к стилю повседневных и неповседневных дискурсов.

1. *Комфортность условий общения* определяет низкий уровень формальности стиля *повседневных дискурсов*, снижение уровня речевого контроля, максимальную свободу в выборе речевых средств. Речевые средства дискурсов более высокого уровня формальности активно подвергаются функциональной трансформации: *Ну что / внедри́м что ли пивка?* (НКРЯ). В *неповседневных дискурсах* повышается уровень речевого контроля: чаще используются метатекстовые средства оценки речевых форм (*здесь лучше сказать...; правильнее будет сказать...; специалисты назвали бы это... и под.*), другие маркеры их подбора (*хезитации и под.*); говорящий

---

⁴ Здесь и далее: записи разговорной речи, сделанные в г. Томске.

намеренно привлекает речевые средства формального общения: *Ну / я так... понимаю... в смысле / думаю / что все-таки перепись населения / основная ее задача направления переписи населения / это... полностью ревизия населения / для того / чтобы... как я уже раньше говорил / более грамотно и оптимально вести... проводить социальную политику* (НКРЯ).

2. В повседневных дискурсах стабильность ролевого распределения отражается в использовании особых речевых средств (например, прямых субъектных форм выражения ролевой дифференциации в позиции «лидера»: *не бери пример с ..., Я знаю, как...* и под.). В *неповседневных* дискурсах незавершенность ролевого распределения ограничивает субъекта в использовании указанных речевых средств и требует представить себя наиболее выгодным образом, в частности – за счет повышения статуса своего речевого произведения. Прямые формы ролевого выражения заменяются непрямыми (*мне кажется; вероятно; возможно, как это обычно говорится* и др.), предпочтение отдается речевым средствам формального общения: *...А счас в нашей деревне молодежи маленькая количества* (СГ⁵).

3. В повседневных дискурсах обращение к институционально значимому диктуму слабо зависит от модусов источника. Стилистические ресурсы институциональных дискурсов могут использоваться для выражения бытовых смыслов при активной содержательной трансформации. Стилистические принципы источников (а) игнорируются (пересказ романа Э.М. Ремарка: *Дома есть «Три товарища» / где три чувака вернулись с войны после первой мировой короче // * / Германия просто разрушена вся на * там // полный * творится / там пивные пучки * мордобой на улицах / бунты короче // расстрелы * / ну го... голодовка голодовка * в смысле что * жрать нечего короче / кризис в стране экономический* (НКРЯ)); (б) трансформируются (*...Которому я можно сказать сам того не желая / отомстить не отомстил но воздал по его делам вот в «Литературной России»...* (РРР⁶)); (в) сохраняются, встраиваясь в новую стилистическую системность (*[рассказ о защите] [№ 1, муж, 40] Вот. Ну / слушай что дальше значит. Ну я ему... он зачитал / я ему ответил / он сказал три четыре фразы на мой ответ / и сел. Потом второй оппонент значит начинает...* (НКРЯ)).

Стиль *неповседневных* дискурсов больше зависит от диктумного содержания. Его институционально заданный характер требует сохранения модуса источника (*Сюда нельзя вкладывать плановые данные. Всё должно определяться людьми. Партия должна регистрироваться только тогда / когда у неё определённое количество членов. А 2 / 3 / 4 / это уже детали* (НКРЯ)).

4. Принципы стилистической организации *повседневного* дискурса у субъектов СРТ-1 и СРТ-2 различаются не значительно. Переход от повседневного общения к *неповседневному* для субъекта любого СРТ связан с повышением уровня речевого контроля. При этом субъект СРТ-1 трансформирует образ правильной речи более существенно, в большей степени осознанно дифференцируя свой дискурсивный опыт и активнее адаптируя средства языка к условиям дискурса. Аналогичные установки на речевой контроль субъекта СРТ-2 ограничивают его

⁵ Записи разговорной речи, сделанные на территории бытования Среднеобских говоров.

⁶ Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капаназе. М., 1978. 306 с.

реализацию, что приводит к формированию менее дифференцированного образа правильной речи, чем в аналогичных дискурсах у субъекта СРТ-1 и чем в повседневных дискурсах у аналогичного субъекта. Текст отражает слабо адаптированное смешение стилистических ресурсов различных дискурсов, эксплицирует речевой контроль в метатекстовых комментариях, повторах и др. средствах, отражающих процесс подбора речевых форм: *...по моему такому неширокому географическому обзору, то я сейчас прочитал, даже узнал, что там пингвины находятся, что там, что там, ну, уже заповедна... как он писал (РРСВ⁷).*

В силу отсутствия институциональных ограничений текст личностно-ориентированного дискурса обладает особой открытостью для включения инотекстовых / инодискурсивных кодовых элементов. Это позволяет представить полидискурсивный опыт его автора наиболее синтетично. В соответствии с направленностью дискурсивной интенции на поддержание либо на восстановление дискурсивного порядка текст реализует свою информативность на основании активной адаптации инодискурсивных кодовых элементов (в *повседневных* дискурсах) либо их активного выдвижения, основанного на сохранении связи с источником (в *неповседневных*).

В главе 3 «Источники формирования полифонической структуры текста устных личностно-ориентированных дискурсов» рассматриваются свойства институциональных дискурсов, определяющие их способность стабилизировать речевые формы и транслировать их в личностно-ориентированные дискурсы в виде полифонических включений. Специфика дискурса-источника исследуется на материале трех объединенных выраженными признаками институциональности, но кардинально различных по типу интенции и социальной функции дискурсов – дискурса *документа, политического* и *фольклорного*. Их речевые формы активно используются в личностно-ориентированном общении.

Раздел 3.1 «Социальный авторитет дискурса как основание трансляции его речевых форм субъектом личностно-ориентированных дискурсов» описывает общий механизм обращения обыденного человека как участника личностно-ориентированного общения к иноречевым формам.

Такое обращение осуществляется на основании отношения говорящего к социальному авторитету источника. Социально авторитетными для обыденного человека являются (1) система усвоенных норм и правил социального регулирования, выработанных на государственном уровне, (2) типовые нормы и правила речевого поведения, усвоенные в процессах повседневной внеинституциональной деятельности. В систему таких правил входят правила дискурсивные, получающие *внешний* и *внутренний* социальный авторитет.

Внешним социальным авторитетом обладают институциональные дискурсы, подверженные государственному регулированию (в том числе – дискурс документа и политический). Авторитет дискурсов, институционализация которых осуществляется независимо от государственной поддержки (в том числе –

---

⁷ Русская разговорная речь европейского северо-востока России : сборник текстов. Сыктывкар, 1998. 158 с.

фольклорного), а также авторитет иных по отношению к дискурсу реализации ситуационных личностно-ориентированных дискурсов для обыденного человека является *внутренним*.

Объективация социального авторитета дискурсов в полифоническом тексте осуществляется субъектом личностно-ориентированного общения двумя способами: (1) обращение к стабилизированным в дискурсе-источнике речевым формам – стилистико-ресурсные полифонические включения и прецедентные высказывания; (2) единичное использование текстового фрагмента источника, не стабилизированного в нем, – собственно цитаты.

Внешний авторитет может быть воспринят обыденным человеком как *истинный* или *ложный*. Внутренний авторитет всегда воспринимается как *истинный*.

Распространение социального авторитета осуществляется через системно и ситуативно *стабилизированные* дискурсом речевые формы. Характер его восприятия обыденным человеком (истинный / ложный) влияет на характер их употребления в результирующем тексте.

Различные социально авторитетные дискурсы обладают различным потенциалом внутреннего и внешнего распространения речевых форм, соответствующим дискурсивному стилю. Их роли в структуре социального взаимодействия задают характер восприятия обыденным человеком их социального авторитета. Эти качества источников играют ведущую роль при формировании полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов, образованного при обращении к ним.

В разделе **3.2 «Социально авторитетные дискурсы как источники полифонической организации текста личностно-ориентированного дискурса»** в заявленном аспекте рассматриваются свойства выбранных для анализа дискурсов.

Дискурс документа (подраздел **3.2.1**) определяется как институциональная сфера речевого общения, ограниченная рамками *обращения* его агентов и клиентов к *официальным документам* различного характера (в процессах их производства, обработки и использования) (определение – на основе работы О.П. Сологуб⁸).

Свойства дискурса документа определяются его *целью* – институциональное официально-деловое *регулирование*, осуществляемое при участии информации, закреплённой в документах как *официальных письменных текстовых формах*.

Обыденный человек как клиент дискурса участвует только в процессах *использования* документов; владение дискурсивными правилами – результат его субъектного речевого опыта, определяющего характер и степень их усвоения.

Дискурсивно значимый диктум включает тематику, связанную с процессами государственного и производственного регулирования (*взрывоопасная смесь; клиническая оценка, отнесение или неотнесение идентифицируемых изделий к числу объектов технического регулирования* и др.) и институционально значимыми фактами личной биографии членов социума (*прошу предоставить мне*

---

⁸ Сологуб О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 383 с.

материальную помощь в связи с необходимостью дорогостоящего лечения и др.).

Дискурсивная установка на внешнюю регламентацию требует представления содержания *вне учета его индивидуально-личностной значимости* для субъекта, в соответствии с нормативными возможностями законодательства. Дискурсивная картина мира формируется на основании общего дискурсивного *модуса официальности*, который должен выразить его типовой субъект в любом тексте этого дискурса, направленном на официально-деловое регулирование (= в тексте документа). Средства его выражения – особые жанровые формы («*заявление*» – *прошу уволить меня...*), отражающие дискурсивно обусловленные жанровые стратегии.

Общий дискурсивный модус официальности конкретизируется в модусах *объективности* и *императивности*, реализуемых в системе конкретно-текстовых средств.

Интенция обеспечения равенства всех членов социума перед законом формирует модус *объективности* (указание номеров и наименований законодательных актов, ссылки на законодательство, запрет на использование эмоционально-оценочных средств и под.).

Требование следовать закону формирует модус *императивности*: жанровые формы обращения к закону (*заявление* и под.), его ответной реакции (*приказ, акт, распоряжение* и под.), фиксация результатов его выполнения / невыполнения (*протокол, докладная записка, объяснительная записка* и под.), текстовые средства: глаголы в повелительном наклонении, клишированные формы обращения к вышестоящей инстанции (*прошу выдать...; довожу до Вашего сведения...*) и др.

Восприятие обыденным человеком дискурса документа связано, с одной стороны, с его функцией гаранта гражданских прав, источника социальной безопасности (*истинный авторитет*), а с другой – с отсутствием доступа ко многим процессам дискурса, отсутствием естественного обоснования многих дискурсивных правил, ограничивающих свободу (*ложный авторитет*).

Дискурс документа распространяет речевые формы следующего типа.

1. Лексические ресурсы: *профпригодность, отпуск без сохранения заработной платы, червячная передача, коленный вал* и под. Их дискурсивная обусловленность отражается в дефинициях терминологических словарей и в производственных документах (*смертность* – в документе «Анализ повозрастных рисков смертности населения» (КонсультантПлюс, 1992–2015)); фиксируется в системе помет толковых словарей (*спец., проф.*).

2. Дискурсивные формулы: *прожить (в городе), во избежание (нарушений)* и под.

3. Дискурсивные выражения: *на основании служебного задания / в соответствии с решением ВАК* и под.

Установка на отражение в содержании дискурса ситуативных деловых потребностей, отсутствие условий для продуцирования сильных (регулярно воспроизводимых в силу особой значимости в культуре в определенный исторический момент (Г.В. Денисова)) текстов, трафаретность речи определяют запрет на стабилизацию цитатных речевых форм.

Ориентированность на внешнее распространение **политического дискурса** (подраздел **3.2.2**) определяется его целью *борьбы за власть* (В.И. Карасик, Е.И. Шейгал и др.).

Диктумное содержание характеризуется открытостью и включает информацию (1) собственно-политическую (*власть, восстание, революция* и др.), в том числе вырабатываемую конкретной политической системой (например, советский политический дискурс: *белые, красные, трудовая интеллигенция, враг народа* и др.), (2) не связанную с политикой изначально.

Политический дискурс модусно ориентирует диктум в соответствии с политической ценностной установкой, представляя любое содержание как политически ангажированное. Общий дискурсивный модус политического дискурса – *идеологически ориентированная эмоциональная оценочность*. Характер и направленность оценки определяются спецификой конкретного политического режима.

Восприятие обыденным человеком политического дискурса как *социально авторитетного* определяется осознанием своего положения по отношению к нему. Множественность политических позиций, ответная реакция на привлечение их сторонников предполагает его политическое самоопределение, формирующее отношение к политическому авторитету как к *истинному* или *ложному*.

Состав распространяемых речевых форм политического дискурса определяется спецификой политического режима.

Цитатные речевые формы включают прецедентные высказывания (*Власть – советам, Голосуй – или проиграешь* и др.) и собственно цитаты.

Политический дискурс формирует два вида *стилистических ресурсов*: (А) ресурсы политики как института, приобретающие в дискурсе особый оценочный вектор в соответствии со спецификой конкретного политического режима; (Б) ресурсы, выработанные конкретной политической системой.

(А) Ресурсы политики как института составляют политические термины (разновидность *лексических ресурсов*), получающие этот статус как восходящие к сфере пересечения политического дискурса с дискурсом документа (*вотум, выборы, нота* и др.). Их дискурсивная обусловленность отражается в дефинициях политических словарей энциклопедического типа, в специальных терминологических (юридических) словарях, в дефинициях и / или в иллюстративном материале толковых словарей, редко – в системе помет.

(Б) Ресурсы дискурса конкретной политической системы стабилизируют оценку содержания, созданного в рамках данной идеологии или адаптированного ею, с точки зрения этой системы.

Принципы формирования дискурсивного кода рассматриваются на материале советского политического дискурса, распространяющего следующие речевые формы.

1. Лексические ресурсы, сформированные как результат идеологически обусловленной десемантизации (М.А. Кронгауз, Н.А. Купина, А.П. Романенко, З.С. Санджи-Гаряева и др.): (а) созданные советским политическим дискурсом (*горком, замполит, коллективизация* и др.); (б) трансформированные им (*враг народа, вредительство, крестьянин, рабочий* и др.).

Идеологическая ангажированность рассматриваемых речевых форм отражается в лексикографических источниках (Н.А. Купина, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина).

Активность внешнего распространения политического дискурса, повышенная в советском политическом дискурсе, определяет последовательное отражение политической ангажированности в толковых словарях, созданных в соответствующий период (БАС, МАС и др.). Их сопоставление со словарями других политических эпох показывает результаты трансформации диктумного и модусного содержания лексем (*ВРЕДИТЕЛЬ* – «вредный, вредоносный человек»⁹; «*Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить реставрацию капитализма; диверсант*»¹⁰; «*В годы советской власти: человек, к-рому приписывается умышленное нанесение вреда производству*»¹¹).

Их дискурсивная обусловленность отражается также в политических текстах советского времени (*КРАСНАЯ АРМИЯ* – в Декрете Совета Народных Комиссаров «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 02.02.1918, *СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ* – в речи В.И. Ленина «Что такое советская власть» (21.01.1928, газета «Правда») и др.).

2. Дискурсивные выражения советского политического дискурса обладают особой активностью проявления дискурсивного модуса, усиленного пафосом и выраженным дидактизмом (*погибать, но защищать нашу Родину / (клясться) у развернутого красного знамени / выполнять план пятилетки, взять власть в свои руки, свергнуть власть* и др.).

Дискурсивные формулы политический дискурс формирует редко.

Интенциональная направленность **фольклорного дискурса** (подраздел 3.2.3) на передачу коллективных ценностей и социально-групповую идентификацию обыденного человека определяет его особое положение в системе институциональных дискурсов. Фольклор рассматривается как коммуникативно ориентированная форма культуры, как естественная форма осуществления человека в социальной реальности (С.Б. Адоньева, К.А. Богданов, С.Ю. Неклюдов, Б.Н. Путилов, Ю.А. Эмер и др.).

Диктумное содержание фольклорного дискурса составляет неспецифическая информация, связанная с разрешением значимых для обыденного человека проблем, решение которых предлагается с позиции ценностных установок фольклорного коллектива.

Различные по жанру тексты фольклора объединяет общий дискурсивный *ценностноориентирующий (верифицирующий)* модус, выражающий ценностные установки с позиции фольклорного коллектива. Средством его выражения является эстетически значимые жанровые формы фольклорных текстов. Каждый жанр

---

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978–1980.

¹⁰ Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М.; Л., 1951. Т. 2.

¹¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / Российская академия наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова ; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. Т. 1.

фольклора транслирует коллективные ценности в особом формально-смысловом ракурсе – в соответствии с жанровой интенцией. Жанровый диктум, эстетически закрепленный в типовом сюжете, также является формой реализации жанрового модуса. Например, *частушка* представляет коллективные ценности в «перевернутом» виде, формируя антинормативную картину мира и реализуя *оценочно-комический* модус, который транслируется через описание типовой антинормативной ситуации.

Узнаваемость фольклорной жанровой формы задана наличием *устной традиции*, обеспечивающей стабилизацию речевых форм.

Социальный авторитет фольклора сформирован при непосредственном участии обыденного человека, поэтому он всегда воспринимает его как *истинный*.

Фольклорный дискурс распространяет речевые формы следующего типа.

Цитатные речевые формы в силу особого эстетического выдвигания фольклорных текстов востребуются обыденным человеком наиболее активно.

Особый способ хранения фольклорного текста в когнитивной памяти коллектива («идея текста» – *авантест* (С.Ю. Неклюдов)), а также дискурсивно заданная установка на его воспроизводство определяют постановку проблемы разграничения фактов прецедентного использования фольклорных речевых форм и их собственно-фольклорного исполнения. *Прецедентное* использование фольклорного высказывания выражается в (1) разрушении жанровых законов его трансляции, (2) установке обыденного человека на апелляцию к традиции, а не на ее воспроизводство.

Различные фольклорные жанры обладают различным потенциалом «цитатного» междискурсивного распространения (например, высоким потенциалом обладает пословица, совмещающая принципы цитирования и исполнения, низким – частушка).

Стабилизация *стилистика-ресурсных речевых форм* осуществляется на основании эстетического закрепления их стилистического содержания на системно-дискурсивном уровне (об особенностях фольклорного слова – Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, Т.В. Цивьяни др.).

1. Лексические ресурсы и дискурсивные выражения составляют (1) единицы, приобретающие особые смыслы внутри фольклорного дискурса и не обладающие свойством отсылки к нему за его пределами; 2) единицы, созданные в рамках фольклорного дискурса и сохраняющие устойчивые связи с ним при трансляции в инодискурсивную сферу: *миленок, матаня, диво дивное* и др. (в толковых словарях – пометы *фольк., народно-поэтич.*, прямые указания на происхождение: «в народной словесности» и под.).

2. Дискурсивные формулы (*у моего у милого...; говорят, я боевая...* и под.) наиболее активно реализуют мнемотехнический механизм изустного распространения фольклорного текста, выполняя в нем смыслообразующую функцию, и поэтому получают способность сохранять заложенное фольклором содержание в инодискурсивных сферах.

В главе 4 «Полифонический текст устных личностно-ориентированных дискурсов как результат междискурсивного распространения социального авторитета источника» исследуется полифоническая организация текста

рассматриваемой коммуникативной сферы как результат обращения к речевым формам институциональных дискурсов.

Логика представления результатов основывается на анализе дискурсивных факторов, обеспечивающих формирование говорящим образа правильной речи, ориентированного на запрашивание речевых форм определенного типа из определенного дискурса.

В разделе 4.1 «**Факторы, обеспечивающие специфику формирования полифонического текста личностно-ориентированных дискурсов интерпретационной направленности, и подходы к анализу**» описаны дискурсивные факторы формирования полифонического текста русских устных личностно-ориентированных дискурсов интерпретационной направленности, заданные (1) спецификой дискурса-источника, (2) спецификой результирующего дискурса; представлены подходы к анализу, основанные на направленности их действия; приведены количественные данные о соотношении полифонических включений различного типа.

Специфика *дискурса-источника* определяет *потенциал* речевых форм, которые могут быть реализованы в полифоническом тексте за пределами этого дискурса. На его формирование влияют следующие факторы.

1. *Модусно-диктумное содержание* дискурса-источника – как точка отсчета его возможных трансформаций в процессах междискурсивного распространения.

2. *Дискурсивный стиль* – как обоснование междискурсивной формальной связи, на основании которой устанавливается связь содержательная.

Специфика *результирующего дискурса* определяет процесс порождения полифонического текста, на который влияют следующие факторы.

1. *Интенциональный* фактор характеризует *субъектную* (конкретно-ситуативную) и *дискурсивную* (типовую) интенцию обращения к инодискурсивным речевым формам.

Субъектная интенция, обладающая в личностно-ориентированных дискурсах особой значимостью, определяет механизм выбора и модусной интерпретации речевых форм источника (нейтрализация, сохранность / трансформация заданного в источнике модусного смысла), способ их представления в результирующем тексте (наличие / отсутствие его осознанного / неосознанного выдвигания). *Сохраняя* модус источника, говорящий использует его для реализации *оценочного* модусного содержания результирующего текста. Позитивный / негативный характер оценки определяется его позицией по отношению к социальному авторитету источника.

Дискурсивная интенция разграничивает характер формирования полифонического текста в личностно-ориентированных дискурсах различного типа. В *повседневных* дискурсах интенционально обусловленная деятельность субъекта по обработке инодискурсивной информации и ее вербализации осуществляется на основании типовых стилистических принципов личностно-ориентированного общения. В *неповседневных* дискурсах субъектная интенция, формирующая полифонический текст, реализуется с учетом направленности на восстановление дискурсивного порядка. Принципы его восстановления имеют типовой характер и предполагают обращение к авторитетным дискурсам за институциональной поддержкой. Количественные показатели отражают

значительно более высокую интенсивность использования институциональных речевых форм в неповседневных дискурсах.

2. *Диктумное содержание* влияет на формирование полифонического текста в зависимости от двух его характеристик.

(а) Обращение к институциональной / бытовой тематике определяет наличие / отсутствие у говорящего потребности в номинировании институционально значимого диктума.

(б) Отсылка к содержанию, выработанному и получившему модусную интерпретацию в особых дискурсах либо обладающему наддискурсивной социальной значимостью, определяет наличие / отсутствие необходимости соотносить субъектную оценку модусного содержания дискурса-источника при использовании его речевых форм с общекультурно и национально-культурно заданной оценкой.

3. *Социально-речевой тип* говорящего влияет на степень адаптированности инодискурсивных речевых форм к условиям результирующего дискурса.

В разделе **4.2 «Модусное содержание дискурсов-источников в полифоническом тексте повседневных дискурсов»** рассматривается специфика формирования полифонического текста в повседневных дискурсах.

В подразделе **4.2.1 «Полифоническая организация текста повседневного дискурса как результат обращения к модусно-диктумному содержанию дискурсов-источников»** описаны результаты анализа реализации модусов дискурса-источника в полифоническом тексте повседневных дискурсов.

Говорящий может использовать речевые формы источника как игнорируя, так и интерпретируя его модусное содержание.

В собственно-информативной функции выступают только стилистико-ресурсные полифонические включения политического дискурса и дискурса документа, используемые для номинирования институционально значимого диктума при отсутствии общеупотребительных аналогов: *Взяла здесь административный отпуск и устроилась на новую работу* (НКРЯ). Цитатные полифонические включения, требующие осознанного использования, в собственно-информативной функции не употребляются.

Различные результаты интерпретации модусного содержания источника в рамках привычных сценариев общения используются для реализации субъектной оценки.

Модус источника последовательно *сохраняется* при обращении к фольклору, что объясняется внутренним характером его социального авторитета. Эта модель реализуется также при восприятии авторитета политического дискурса как истинного: согласие с политической оценкой выражается в сохранении оценочного вектора и во многих случаях сопровождается выдвижением политически заданного смысла.

Активно проявляются *модусные трансформации* содержания источников, социальный авторитет которых воспринимается как внешний. Использование речевых форм дискурса документа связано с интенсификацией и трансформацией модуса официальности: при восприятии субъектом его институционального авторитета как истинного формируется позитивнооценочный смысл (*Такого я не*

*видела / лучшего // Она сама / хозяйка / является этим / директором предприятия // Продает металл / горячая сталь / холодная сталь / всякие вот эти вот / шифер / 7-волновый // Для меня это / вагонами чё-то продают // Для меня это вообще китайская грамота (НКРЯ)); при его восприятии как ложного – негативнооценочный (Все теперь умные стали: индекс Хириша стыдливо скрывают, зато знают, что такое **импакт-фактор**, и **и-сэ-сэ-эн** отличают от **и-эн-э** (РРТ)). Речевые формы политического дискурса, отражая отношение к нему как к ложно авторитетному, переориентируют заданный в источнике оценочный вектор: *И / я / принесла такую жертву революции / я бросила Художественный театр / с почти готовой ролью / и пошла / учить детей // Я была такая дурра / но что с меня взять / мне еще / было восемнадцать лет // (РМ¹²).**

В разделе **4.3 «Полифонический текст в неповседневных личностно-ориентированных дискурсах как результат обращения к содержанию дискурса-источника»** рассматривается специфика формирования полифонического текста в неповседневных дискурсах.

В подразделе **4.3.1 «Модусное содержание дискурсов-источников в полифоническом тексте неповседневных дискурсов»** описаны особенности реализации модусов источника в полифоническом тексте неповседневных дискурсов. В связи с взаимодействием любой субъектной интенции с интенцией восстановления дискурсивного порядка активизируется обращение к речевым формам институциональных дискурсов как маркерам особого статуса речевого произведения. Полифонические включения из институциональных дискурсов, обладающих внешним социальным авторитетом, используются более частотно, чем в дискурсах повседневных. Исходное модусное содержание авторитетных источников в неповседневных дискурсах не только не подвергается нейтрализации, но и имеет тенденцию к выдвигению.

Последовательно сохраняется модус дискурса документа (*[один из родителей в разговоре с другими родителями и учителем:] Вот это у нас такая программа, где все нужно только с родителями делать. Совсем сам уроки не делает. Но самостоятельность учиться – это та базовая компетенция, которая должна формироваться в начальных классах, я считаю! (РРТ)*), обеспечивая институциональную поддержку. Сохраненный оценочный модус политического дискурса при восприятии его авторитета как истинного выполняет ту же функцию, что и модус официальности дискурса документа: *Это когда пришли вот эти / враги народа / которые стали в партию внедрять свою вражескую кровь / вот они чудеса и творили. В море сбрасывали мясо (НКРЯ).* При восприятии авторитета политического источника как ложного оценочная позиция субъекта выражается за пределами полифонического включения, исходное содержание которого становится объектом оценивания: *И вот / если КПРФ к этому придет / а к этому пришли КПСС Германии / например / Чехии / еще каких-то стран / они осмотрелись и решились / что / действительно / пора отказаться от такого наследия / как «режь попов» и «грабь награбленное» / пора отказаться от этого (НКРЯ).*

---

¹² Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. 395 с.

Фольклорные полифонические включения в неповседневных дискурсах используются редко, но в случае использования – сохраняют модус источника так же последовательно, как и в дискурсах повседневных.

Особенности полифонического обращения к институциональным источникам **субъектов различного СРТ** рассматриваются в отдельных подразделах разделов **4.2 и 4.3.**

Субъект СРТ-1 формирует более дифференцированный образ правильной речи и обнаруживает более высокий уровень осознанности использования полифонических включений из институциональных дискурсов. В *повседневном* общении речевые формы дискурса документа он неосознанно употребляет только при обращении к заданному в источнике диктумному содержанию – при отсутствии их общеупотребительных обозначений. В остальных случаях обращение к ним осуществляется либо в рамках осознанных иронических стратегий, либо в рамках общения на профессиональную тематику с осведомленным речевым партнером. Субъект СРТ-2 как в повседневном, так и в неповседневном общении часто неосознанно использует речевые формы дискурса документа при сохранении модуса источника, причем в неповседневном общении он регулярно привлекает их в отрыве от диктумного содержания источника, эксплуатируя модус официальности при реализации установки на повышение статуса собственного речевого произведения: *Вот, значит, сравнительно недавно к нам приезжала Зыкина /в общем, она была здесь последний раз двадцать лет назад / и по выступлении / верней / по статье в газете / где она **выразила** свое **чувство удовлетворения** городом / по сравнению с тем / что она видела раньше / **можно** **собственно сделать** какие-то **выводы**...* (РРСВ). Различия в формировании полифонического текста СРТ-1 и СРТ-2 в неповседневных дискурсах проявляются ярче.

При обращении к речевым формам политического дискурса субъект СРТ-1, четче осознавая манипулятивную природу речевых форм политического дискурса, последовательно выдвигает его оценочный модус: *Тяжело сейчас особенно историю преподавать в школе. Раньше было всё четко. **От съезда к съезду КПСС** (НКРЯ).* Субъект СРТ-2 в повседневном общении чаще нейтрализует его.

Полифонические включения из фольклорного дискурса значительно активнее и разнообразнее использует СРТ-1, демонстрируя более высокий уровень дифференцированности сфер полидискурсивного опыта.

В разделе **4.4 «Полифоническая организация текста повседневного и неповседневного дискурса как результат обращения к наддискурсивно значимому содержанию»** на примере концепта «Великая Отечественная война» как *наддискурсивно лично и социально значимого* исследуются возможности использования институциональных полифонических включений в качестве удобной, институционально отработанной формы передачи общекультурного и национально-культурного содержания. В обозначенной функции используются речевые формы политического дискурса, последовательно задающего любому диктумному содержанию оценочно-ориентированный вектор, сопровождающийся выражением политического пафоса: *Ну и так проучилась я, вот, наверно, с декабря сорокового года и до июня, двадцать второго июня сорок первого года.*

Без объявления начала войны Германия. Утром мы просыпаемся все в переполохе: объявили войну. Ну, как мы понимали тогда «война»? Мы думали, что наша страна такая сильная и народ такой сильный, организованный. Ну что, нас оповещали по радио и дирекция – все говорили, что врах будет изгнан из страны, врах будет разбит (НКРЯ). При обращении к наддискурсивно значимому содержанию принципы формирования полифонического текста в повседневных и неповседневных дискурсах сближаются, реализуя субъектную установку на повышение статуса речевого произведения, обладающего особым диктумным содержанием.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования. Делается вывод о том, что, несмотря на лояльность лично-ориентированного дискурса к проникновению иноречевых форм, он обладает достаточно жесткими внутренними принципами их адаптации, заданными дискурсивными правилами, отработанными в повседневном общении и в процессах полидискурсивного существования говорящих субъектов; полифоническая организация текста лично-ориентированных дискурсов – результат естественной реализации полидискурсивного опыта обыденного человека в процессах внеинституциональной обработки информации в дискурсе.

Список опубликованных работ по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. **Тубалова И. В.** Современная сибирская деревня в фольклорном эстетическом отражении (Лингвокультурологическое описание) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 86–92. – 0,9 / 0,45 п.л.

2. **Тубалова И. В.** Текстовые модели народной аксиологии в анекдоте и частушке: к проблеме трансформации смеховой культуры / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С. 13–18. – 0,9 п.л.

3. **Тубалова И. В.** «Голоса» советской эпохи в полифонической структуре современного анекдота / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 34–38. – 0,7 п.л.

4. **Тубалова И. В.** Текст народно-речевой культуры как полифоническая структура / И. В. Тубалова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 139–147. – 0,9 п.л.

5. **Тубалова И. В.** Полифоническая рефлексия в рамках стратегии обращения к авторитетному высказыванию (на материале разговорно-бытового дискурса) / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 26–31. – 0,9 п.л.

6. **Тубалова И. В.** Фольклор как прототекстовая среда полифонического текста бытовой культуры: к проблеме полидискурсивности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 96–102. – 1 п.л.

7. **Тубалова И. В.** Текстовое пространство Дня города и Дня рождения вуза: к проблеме праздничного миромоделирования / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2009. – № 2 (6). – С. 11–22. – 0,8 / 0,4 п.л.

8. **Тубалова И. В.** Коммуникативные модели обращения к «чужому» голосу в разговорно-бытовом дискурсе / И. В. Тубалова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 3. – С. 75–83. – 1 п.л.

9. **Тубалова И. В.** Официально-деловой дискурс как прототекстовая среда бытового диалектного текста / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 80–90. – 0,8 п.л.

10. **Тубалова И. В.** Специфика организации дискурсов повседневности / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 4 (16). – С. 41–52. – 0,9 п.л.

11. **Тубалова И. В.** Проблемы трансформации смысла «советского текста» в речевой среде постсоветской деревни / И. В. Тубалова // Язык и культура. – 2011. – № 3 (15). – С. 94–105. – 0,8 п.л.

12. **Тубалова И. В.** «Конфликтогенный текст»: когнитивные и языковые особенности порождения (экспериментальное исследование) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер, Д. А. Первалова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 365. – С. 33–38. – 0,5 / 0,2 п.л.

13. **Тубалова И. В.** Коммуникативные модели обращения к иноречевым текстовым формам в современной частушке / И. В. Тубалова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4. – С. 130–138. – 1 п.л.

14. **Тубалова И. В.** Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 377. – С. 30–35. – 0,8 / 0,4 п.л.

15. **Тубалова И. В.** Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 5 (31). – С. 38–52. – 0,9 п.л.

16. Кочеткова М. О. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект / М. О. Кочеткова, **И. В. Тубалова** // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 39–52. – 1 / 0,5 п.л.

17. **Тубалова И. В.** Стиль личностно-ориентированных дискурсов как сфера проникновения инодискурсивных стилевых влияний / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 5 (37). – С. 38–52. – 1 п.л.

Статьи в журналах, индексируемых в Scopus:

18. **Tubalova I. V.** The concept «Great Patriotic War» in the person-centered discursive practices of the ordinary person / I. V. Tubalova // Rusin. – 2015. – № 2 (40). – P. 241–257. – 0,9 p.s.

19. Tubalova I.V. Socially caused transformations of small slavic folklore song genres in modern communicative space / **I. V. Tubalova**, Yu. A. Emer // Rusin. – 2015. – № 3. – P. 169–182. – 0,8 / 0,4 p.s.

В журналах, индексируемых в Web of Science:

20. Emer Yu. A. Writing a riddle: «genre memory» and modern information environment (an experimental study) / Yu. A. Emer, V. V. Kashpur, **I. V. Tubalova** // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2014. – Vol. 154. – P. 386-390. – 0,5 / 0,2 p.s.

21. Emer Yu. A. The Chastushka on the Internet: The Problem of Genre Viability / Yu. A. Emer, V. V. Kashpur, **I. V. Tubalova** // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 200. – P. 199–205. – 0,6 / 0,2 p.s.

Разделы коллективных монографий, учебно-методические пособия:

22. **Тубалова И. В.** Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 257–296. – 2 / 1 п.л.

23. **Тубалова И. В.** Лингвокультурологический портрет сибирской деревни: к вопросу о методологии представления на фольклорном материале / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия / ред. В. А. Суханов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 394–402. – 0,5 / 0,25 п.л.

24. **Тубалова И. В.** Текстовый континуум праздника как результат межсемиотического взаимодействия (к постановке проблемы) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Язык современного города. – Кемерово, 2007. – С. 35–43. – 0,5 / 0,25 п.л.

25. **Тубалова И. В.** Пространственная организация праздничного дискурса / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – С. 152–187. – 1,4 / 0,7 п.л.

26. **Тубалова И. В.** Коммуникативные модели реализации полифонической рефлексии в разговорно-бытовом дискурсе / И. В. Тубалова // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / ред. З. И. Резанова. – Томск : ИД СК-С, 2009. – С. 56–96. – 2 п.л.

27. **Тубалова И. В.** Сибирский фольклор как источник реконструкции картины мира русского населения Сибири / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – С. 168–198. – 1,8 / 0,9 п.л.

28. **Тубалова И. В.** «Советский текст» в речевой среде постсоветской деревни – свидетельство ностальгии по советскому прошлому? / И. В. Тубалова // Ностальгия по советскому / отв. ред. З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 215–231. – 0,9 п.л.

29. **Тубалова И. В.** Язык фольклора : учебно-методическое пособие / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 37 с. – 2 / 1 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

30. **Тубалова И. В.** Особенности отражения в метатексте внутренней формы образного слова / И. В. Тубалова // Лингвистический и эстетический аспект анализа

текста : материалы международной научной конференции. Соликамск, 04–05 декабря 1997 г. – Соликамск, 1997. – С. 30–32. – 0,2 п.л.

31. **Тубалова И. В.** Варьирование внутренней формы слова с точки зрения показаний языкового сознания / И. В. Тубалова // Явление вариативности в языке : материалы Всероссийской конференции. Кемерово, 13–15 декабря 1994 г. – Кемерово, 1997. – С. 385–390. – 0,4 п.л.

32. **Тубалова И. В.** Языковой коллектив с точки зрения языкового сознания / И. В. Тубалова // Гуманитарные исследования: итоги последних лет : сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманит. фак. НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 228–229. – 0,1 п.л.

33. **Тубалова И. В.** Отражение в метатексте семантики «чуждости» слова / И. В. Тубалова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии : материалы всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии». Томск, 27–29 марта 1998 г. – Томск, 1998. – С. 128–130. – 0,2 п.л.

34. **Тубалова И. В.** Особенности функционирования метатекста в газетном тексте / И. В. Тубалова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: материалы всероссийской конференции «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии». – Томск, 27–29 марта 1998 г. – Томск, 1998. – С. 199–204. – 0,3 п.л.

35. **Тубалова И. В.** Средства выражения оценки в пословице / И. В. Тубалова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Бийского педагогического института, 290-летию г. Бийска, 70-летию В. М. Шукшина (3–5 декабря 1998 г.). – Бийск, 1998. – Т. 2. – С. 206–209. – 0,2 п.л.

36. **Тубалова И. В.** Осознание носителями языка национально-культурной семантики слова / И. В. Тубалова, О. Н. Лукашова // Язык и культура : сборник научных статей XIII международной научно-методической конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. Томск, 16–18 апреля 1999 г. – Томск, 1999. – Разд. I–VII. – С. 66–70. – 0,3 / 0,2 п.л.

37. **Тубалова И. В.** Единицы с семантикой «одежда» в языке фольклора / И. В. Тубалова // Актуальные проблемы русистики : сборник статей. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 104–110. – 0,4 п.л.

38. **Тубалова И. В.** Функционирование стилистически ограниченной лексики в фольклорных текстах / И. В. Тубалова // Филологические исследования : сб. ст. молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 159–165. – 0,4 п.л.

39. **Тубалова И. В.** Семантика «граница между мирами» в фольклорном тексте / И. В. Тубалова // JUVENILIA : тезисы докл. региональной филологической конф. молодых ученых. – Томск, 2000. – С. 101–104. – 0,2 п.л.

40. **Тубалова И. В.** Проблемы лексикографирования языка фольклора / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Филологические исследования : сб. ст. молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 125–133. – 0,5 / 0,25 п.л.

41. **Тубалова И. В.** Полный словарь сибирского говора и словарь языка фольклора Сибири / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // XXII Дульзоновские чтения :

материалы Междунар. науч. конф. Томск, 19–21 июня 2000 г. – Томск, 2000. – С. 115–120. – 0,3 / 0,15 п.л.

42. **Тубалова И. В.** К проблеме фольклорного значения / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Проблемы русистики : сборник материалов всероссийской конференции «Актуальные проблемы русистики», посв. 70-летию проф. О. И. Блиновой. Томск, 08–10 ноября 2000 г. – Томск, 2001. – С. 96–101. – 0,3 / 0,15 п.л.

43. **Тубалова И. В.** Семантика «свой / чужой» в фольклорном тексте / И. В. Тубалова // Проблемы русистики : сборник материалов всероссийской конференции «Актуальные проблемы русистики», посв. 70-летию проф. О. И. Блиновой. Томск, 08–10 ноября 2000 г. – Томск, 2001. – С. 118–120. – 0,2 п.л.

44. **Тубалова И. В.** Семантическая оппозиция «свой/чужой» в языковой картине мира фольклорного сознания / И. В. Тубалова // Актуальные проблемы лингвистики : сборник материалов региональной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, журналистики». Томск, 20–21 апреля 2000 г. – Томск, 2001. – С. 69–75. – 0,3 п.л.

45. **Тубалова И. В.** Мотивационные отношения слов в фольклорном тексте / И. В. Тубалова // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник научных статей и тезисов I межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 14–15 мая 2001 г. – Томск, 2001. – С. 40–42. – 0,2 п.л.

46. **Тубалова И. В.** Оппозиционная структура семантики фольклорного текста (на материале лирической песни, частушки, пословицы, загадки) / И. В. Тубалова // Европейские исследования в Сибири : сборник материалов международной научной конференции «Американский и сибирский фронт». Томск, 06–08 февраля 2001 г. – Томск, 2001. – Вып. 3. – С. 213–222. – 0,6 п.л.

47. **Тубалова И. В.** Фольклорная специфика роли имени собственного в реализации языковой картины мира / И. В. Тубалова // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука». Томск, 01–03 ноября 2001 г. – Томск, 2002. – С. 197–203. – 0,4 п.л.

48. **Тубалова И. В.** Эстетическая природа фольклорного текста (на примере текста сибирских песен) / И. В. Тубалова // Язык и культура в евразийском пространстве : сб. ст. XVI междунар. науч. конф. Томск, 16–20 апреля 2003 г. – Томск, 2003. – С. 216–219. – Разд. 2. – 0,4 п.л.

49. **Тубалова И. В.** Фольклорный таксис как эстетическая категория / И. В. Тубалова // Миромоделирование в языке и тексте : сб. науч. тр. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 151–160. – 0,6 п.л.

50. **Тубалова И. В.** Методология лингвистического анализа фольклорного текста / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сборник научных трудов, посвященных 10-летию кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета. – Томск : STT, 2004. – С. 204–207. – 0,2 / 0,1 п.л.

51. **Тубалова И. В.** Специфика жанровой интерпретации фольклорного текста (лингвокультурологический аспект) / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности : материалы

- пятых филол. чтений. Новосибирск, 20–22 октября 2004 г. – Новосибирск, 2004. – Ч. 1. – С. 77–83. – 0,3 / 0,15 п.л.
52. Мишанкина Н. А. Филология и информатика: специфика электронного представления региональных фольклорных текстов. / Н. А. Мишанкина, **И. В. Тубалова**, Ю. А. Эмер // Гуманитарная информатика : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 102–114. – 0,7 / 0,23 п.л.
53. **Тубалова И. В.** «Вещная» идентификация внутреннего мира фольклорного человека / И. В. Тубалова // Европейские исследования в Сибири : материалы всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». Томск, 14–16 апреля 2003 г. – Томск, 2004. – Вып. 4. – С. 304–314. – 0,7 п.л.
54. **Тубалова И. В.** Словарь среднеобского фольклора: традиционное и современное / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник научных трудов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – Ч. 2. – С. 173–184. – 0,7 / 0,35 п.л.
55. **Тубалова И. В.** Социокультурная стратификация среднеобского фольклорного мира (лингвокультурологический аспект) / И. В. Тубалова // Актуальные проблемы русистики : материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук, профессора О. И. Блиновой. Томск, 09–11 ноября 2005 г. – Томск, 2006. – Вып. 3 : Языковые аспекты регионального существования человека. – С. 315–322. – 0,4 п.л.
56. **Тубалова И. В.** Лингвофольклористика / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Томская диалектологическая школа : историографический очерк. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – С. 211–219. – 0,5 / 0,25 п.л.
57. **Тубалова И. В.** Социально-ролевая структура среднеобского фольклорного мира (лингвокультурологический аспект) / И. В. Тубалова // Слово : фольклор.-диалектол. альм. – Благовещенск, 2006. – Вып. 4 : Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. – С. 18–22. – 0,3 п.л.
58. **Тубалова И. В.** «Свои» и «чужие» в фольклорном коллективе: лингвокогнитивные модели социализации в среднеобском фольклоре / И. В. Тубалова // Евроазиатский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 398–404. – 0,2 п.л.
59. **Тубалова И. В.** Студенческий праздник в вузовском городе как лингвокультурная модель / И. В. Тубалова, Ю. А. Эмер // Человек – текст – эпоха : сборник научных статей и материалов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – С. 209–221. – 0,8 / 0,4 п.л.
60. **Тубалова И. В.** Полифоническая структура текста: подходы и процедуры анализа / И. В. Тубалова // Прикладная филология: идеи, концепции, проекты : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Томск, 20–21 февраля 2008 г. – Томск, 2008. – Ч. 2. – С. 163–170. – 0,4 п.л.
61. **Тубалова И. В.** Коммуникативные модели осознанной цитации в диалектном дискурсе / И. В. Тубалова // Прикладная филология: идеи, концепции,

проекты : сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Томск, 19–20 февраля 2009 г. – Томск, 2009. – С. 91–96. – 0,3 п.л.

62. **Тубалова И. В.** Современная письменная частушка: новая художественная форма в современной культурной парадигме / И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 4. – С. 50–58. – 0,6 п.л.

Подписано в печать 11.12.2015 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № 05-12/15
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а